

Лев Николаевич

Толстой

Конец века

(1905 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

**** КОНЕЦ ВЕКА.

«Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в высшем смысле этого слова – не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства».

Чаннинг.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Иоан. VIII, 32.

I.

КОНЕЦ ВЕКА, УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОГО. ПРИЗНАКИ И ПРИЧИНЫ.

Век и конец века на евангельском языке не означает конца и начала столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения. В Евангелии сказано, что при таком переходе от одного века к другому будут всякие бедствия: предательства, обманы, жестокости и войны, и по причине беззакония охладет любовь. Я понимаю эти слова не как сверхъестественное пророчество, а как указание на то, что когда та вера, тот склад жизни, в котором жили люди, будут заменяться иным, когда будет отпадать отжившее старое и замещаться новым, неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония, и вследствие этих беззаконий должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство.

Это самое и совершается теперь не только в России, но во всем христианском мире: в России оно только проявилось более ярко и открыто, во всем же христианском мире происходит то же самое, только в скрытом (латентном) состоянии.

Я думаю, что теперь, именно теперь, жизнь христианских народов находится близко к той черте, которая разделяет кончающийся старый век от начинающегося нового. Думаю, что теперь, именно теперь, начал совершаться тот великий переворот, который готовился почти 2000 лет во всем христианском мире, переворот, состоящий в замене извращенного христианства и основанной на нем власти одних людей и рабства других – истинным христианством и основанным на нем признанием равенства всех людей и истинной, свойственной разумным существам свободой всех людей.

Внешние признаки этого я вижу в напряженной борьбе сословий во всех народах, в холодной жестокости богачей, в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном, всё растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства во всех его проявлениях; главное же, не только в отсутствии в имеющих наибольшее влияние на других какой бы то ни было религии, но в сознательном отрицании всякой религии и замене ее признанием законности подавления слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то ни было разумных руководящих начал в жизни.

Таковы общие признаки наступающего переворота или, скорей, той готовности к перевороту, в которой находятся христианские народы. Временные же исторические признаки или тот толчок, который должен начать переворот, – это только что окончившаяся русско-японская война и одновременно с нею вспыхнувшее и никогда прежде не проявлявшееся революционное движение среди русского народа.

Причину разгрома японцами русской армии и флота видят в несчастных случайностях, в злоупотреблении русских правительственных лиц; причину революционного движения в России видят в дурном правительстве, в усиленной деятельности революционеров; последствием же этих событий представляется как русским, так и иностранным политикам ослабление России и перестановка центра тяжести в международных отношениях и изменение образа правления русского государства. Я же думаю, что эти события имеют гораздо более важное значение. Разгром русской армии и флота, разгром русского правительства не есть только разгром армии, флота и русского правительства, а признак начинающегося разрушения русского государства. Разрушение же русского государства есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века.

То, что привело христианские народы к тому положению, в котором они теперь находятся, началось уже давно. Оно началось с тех пор, как христианство было признано государственной религией.

Такое учреждение, как государство, держащееся на насилии, требующее для своего существования полного повиновения своим законам преимущественно перед законом религиозным, учреждение, не могущее существовать без казней, войск и войн, учреждение, приписывающее почти божеское значение своим правителям, учреждение, возвеличивающее богатство и могущество, – такое учреждение принимает в лице своих правителей и подданных христианскую религию, провозглашающую полное равенство и свободу всех людей, полагающую один закон Бога выше всех других законов, принимает религию, не только отрицающую всякое насилие, всякое возмездие, казни и войны, но и предписывающую любовь к врагам, религию, возвеличивающую не могущество и богатство, а смирение и нищету, – это-то учреждение в лице своих языческих правителей принимает эту христианскую религию. И правители и их советники, большею частью совсем не понимая сущности истинного христианства, совершенно искренно возмущаются против людей, исповедующих и проповедующих христианство в его истинном значении, и с спокойной совестью казнят, изгоняют их и запрещают им проповедывать христианство в его истинном смысле. Духовенство запрещает чтение Евангелия и признает только за собой право толковать священное писание, придумывает сложные софизмы, оправдывающие невозможное соединение государства и христианства, и устраивает торжественные обряды, гипнотизирующие народ. И большинство людей веками живет, считая себя христианами, не подозревая даже сотой доли значения истинного христианства. Но как ни велик был престиж государства, как ни продолжительно было торжество его, как ни жестоко подавлялось христианство, раз высказанную истину, открывающую человеку его душу, составляющую сущность христианства, нельзя было заглушить. Чем дольше продолжалось такое положение, тем яснее становилось противоречие между христианским учением смирения и любви и государством – учреждением гордости и насилия. Величайшая плотина в мире не может задержать источника живой воды. Вода неизбежно найдет себе путь или через плотину, или размыв или обойдя ее. Дело только во времени. Так это было с скрытым государственной властью истинным христианством. Государство долго удерживало его живую воду, но пришло время, и

христианство разрушает задерживающую его плотину и увлекает за собой ее остатки. Внешние признаки того, что время это пришло именно теперь, я вижу в легко одержанной японцами победе над Россией и в тех волнениях, которые одновременно с этой войной охватили все сословия русского народа.

II.

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ ЯПОНЦЕВ.

Как всегда бывало и бывает при всех поражениях, так и теперь причину поражения русских стараются объяснить ошибками побежденного: дурным устройством русского военного дела, злоупотреблениями и промахами начальников и т. п. Но главное не в этом. Причина успехов японцев не столько в дурном управлении Россией или в дурном устройстве русских войск, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле. Япония победила не потому, что русские слабы, а потому что Япония теперь едва ли не самая могущественная в мире на суше и на море военная держава; и это так, во-первых, потому, что все те научные технические усовершенствования, которые давали преимущество в борьбе христианским народам над нехристианскими, усвоены японцами (вследствие их практичности и той важности, которую они приписывают военному делу) много лучше, чем то было сделано народами христианскими; во-вторых, потому, что японцы по природе своей более храбры и равнодушны к смерти, чем теперь христианские народы; в-третьих, потому, что тот воинственный патриотизм, совершенно несогласный с христианством, который с таким усилием вводился и поддерживался христианскими правительствами среди своих народов, живет до сих пор во всей своей нетронутой силе среди японцев; в-четвертых, потому, что, рабски подчиняясь деспотической власти обожествляемого микадо, сила японцев более сосредоточена и объединена, чем силы народов, переросших свое рабское подчинение деспотизму. Одним словом, японцы имели и имеют огромное преимущество: то, что они не христиане.

Как ни извращено среди христианских народов христианство, оно, хотя смутно, но всё же живет в их сознании, и люди-христиане, во всяком случае лучшие из них, не могут уже отдавать все свои духовные силы на изобретение и приготовление орудий убийства, не могут не относиться более или менее отрицательно к воинственному патриотизму, не могут, как японцы, распарывать себе животы, только бы не отдаться в плен врагу, не могут взрываться на воздух вместе с неприятелем, как это было прежде, не ценят уже, как прежде, военных доблестей, военного геройства, все менее и менее уважают военное сословие, не могут уже без сознания оскорбления человеческого достоинства рабски подчиняться власти и, главное, не могут уже, по крайней мере большинство, равнодушно совершать убийства.

Всегда и в мирных деятельности, несогласных с духом христианства,

христианские народы не могли бороться с нехристианами. Так это было и продолжает быть в борьбе денежной с нехристианами. Как бы плохо и превратно ни толковалось христианство, христианин (и чем более он христианин, тем более) сознает, что богатство не есть высшее благо, и потому не может положить на него все свои силы, как делает это тот, у кого нет никаких идеалов выше богатства, или тот, для кого богатство есть благословение божие.

То же и в области нехристианской науки и искусства. И в этих областях позитивной, опытной науки и искусства, ставящего себе целью удовольствие, первенство принадлежало и принадлежит и всегда будет принадлежать наименее христианским людям и народам.

То, что мы видим в проявлении деятельности мирной, то тем более должно было быть в деле войны, прямо отрицаемой истинным христианством. Вот это—то необходимое превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими с полной очевидностью проявилось в блестящей победе японцев над русскими. И в этом неизбежном и необходимом превосходстве нехристианских народов над христианскими и заключается огромное значение японской победы.

Значение победы японцев заключается в том, что победа эта самым очевидным образом показала не только побежденной России, но к всему христианскому миру, всю ничтожность внешней культуры, которой так гордились христианские народы, показала, что вся эта внешняя культура, которая казалась им каким—то особенно важным результатом вековых усилий христианского человечества, есть нечто очень неважное и столь ничтожное, что никакими особенными высшими духовными свойствами не отличающийся японский народ, когда ему понадобилось, в несколько десятков лет усвоил себе всю научную мудрость христианских народов, с бактериями и взрывчатыми веществами включительно, и так хорошо сумел практически применить эту мудрость к практическим целям, что стал в применении этой мудрости к военному делу и в самом военном деле, столь высоко ценимом христианскими народами, выше всех христианских народов.

Христианские народы веками под предлогом самозащиты придумывали одно перед другим самые действительные способы истребления друг друга (способы, тотчас же применяемые всеми другими противниками) и пользовались этими способами и для угрозы друг другу и для приобретения всякого рода выгод среди нецивилизованных народов в Африке и Азии. И вот среди нехристианских народов появляется народ воинственный, ловкий и переимчивый, который, увидав угрожающую ему вместе с другими нехристианскими народами опасность, с необыкновенной легкостью и быстротой усвоил ту простую истину, что если тебя бьют толстой, крепкой дубиной, то надо взять точно такую же ИЛИ еще более толстую и крепкую дубину и бить ею того, кто тебя бьет. Японцы очень скоро и легко усвоили эту мудрость и вместе с тем и всю ту технику войны и, пользуясь сверх того всеми выгодами религиозного деспотизма и патриотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнее самой могущественной военной державы. Победа японцев над русскими показала всем военным державам, что военная власть больше не в их руках, а перешла или вскоре должна перейти в другие, нехристианские руки, так как всем нехристианским,

угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Японии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства.

Так что христианские правительства исходом этой войны садам очевидным образом приведены к необходимости еще усиливать и так задавившие своими расходами их народы военные приготовления и, удвоив эти вооружения, всё-таки сознавать, что со временем подавленные ими языческие народы, так же как японцы, обучившись военному искусству, свергнут их иго и отомстят им. Уже не по рассуждениям, а на горьком опыте подтвердилась этой войной не только для русских, но и для всех христианских народов, та простая истина, что насилие ни к чему, кроме как к увеличению бедствий и страданий, привести не может.

Победа эта показала, что, занимаясь увеличением своей военной силы, христианские народы, делали дело не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое дело, такое, в котором они, как христианские народы, должны всегда быть превзойдены и побеждены нехристианскими народами. Победа эта показала христианским народам, что всё то, на что их правительства направляли свою деятельность, было губительно для них и напрасным истощением их сил и, главное, приготовлением для себя более могущественных врагов среди нехристианских народов.

Война эта самым очевидным образом показала, что сила христианских народов никак не может быть в противном духу христианства военном могуществе и что если христианские народы хотят оставаться христианскими, то усилия их должны быть направлены никак не на военное могущество, а на нечто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая из христианского учения, давало бы наибольшее благо людям не посредством грубого насилия, а посредством разумного согласия и любви.

В этом великое для христианского мира значение победы японцев.

III.

СУЩНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Японская победа показала всему христианскому миру неверность того пути, по которому шли и идут христианские народы. Русским же людям война эта с своими ужасными, бессмысленными страданиями и тратами трудов и жизней миллионов людей показала, кроме общего для всех христианских народов противоречия между христианским и насильническим государственным устройством, ту страшную опасность, в которой постоянно находятся эти народы, повинувшись своему правительству.

Без всякой надобности, для каких-то темных, личных целей, для каких-то ничтожных лиц, находящихся во главе управления, русское правительство ввергло свой народ в бессмысленную войну, которая ни в каком случае не могла иметь никаких, кроме вредных для русского народа, последствий. Потеряны сотни тысяч жизней, потеряны миллиарды денег, произведения трудов народа, потеряна для тех, которые гордились ею, слава России. И виновники всех этих злодеяний не только не чувствуют своей вины, но упрекают других во всем случившемся и, оставаясь в том же положении, завтра могут ввергнуть русский народ в еще худшие бедствия.

Всякая революция начинается тогда, когда общество выросло из того мировоззрения, на котором основывались существующие формы общественной жизни, когда противоречие между жизнью, какая она есть, и той, какая должна и может быть, становится настолько ясным для большинства людей, что они чувствуют невозможность продолжения жизни в прежних условиях. Начинается же революция в том народе, в котором наибольшее число людей сознают это противоречие.

Что же касается до средств, употребляемых революцией, то средства эти зависят от той цели, к которой стремится революция.

В 1793 году сознание противоречия между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворян, чиновников чувствовалось не только страдающими от своего угнетения народами, но и лучшими людьми властвующих сословий во всем христианском мире. Но нигде эти сословия не были так чутки к этому неравенству и нигде сознание народа не было так мало забито рабством, как во Франции, и потому революция 1793 года началась именно во Франции. Средством же осуществления равенства естественно представлялось тогда отнятие силою того, что имели властвующие, и потому деятели той революции старались осуществить свои цели насильем.

В нынешнем, 1905 году, противоречие между сознанием возможности и законности свободной жизни и неразумностью и бедственностью повиновения насильническим властям, произвольно отбирающим от людей произведения их трудов для немогущих иметь конца вооружений, властям, всякую минуту могущим заставить народы участвовать в бессмысленных и смертоубийственных войнах, чувствуется не только страдающими от этого насилия народами, но и лучшими людьми властвующих сословий. Нигде же противоречие это не чувствуется так резко, как в русском народе. Чувствуется это противоречие теперь особенно резко в русском народе и вследствие нелепой и постыдной войны, в которую русский народ был вовлечен правительством, и вследствие удержавшегося еще среди русского народа земледельческого быта и, главное, вследствие особенно живого, христианского сознания этого народа.

Поэтому я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России.

Средства же осуществления цели революции, состоящей в освобождении

людей, очевидно должна быть иные, чем то насилие, которым до сих пор люди пытались осуществить равенство.

Людам великой революции, желавшим достигнуть равенства, можно было заблуждаться, когда они думали, что равенство достигается насилием, хотя и казалось бы очевидным, что равенство не может быть достигнуто насилием, так как насилие есть само по себе самое резкое проявление неравенства. Свобода же, составляющая цель теперешней революции, уже ни в каком случае не может быть достигнута насилием. Казалось бы, что это должно бы быть очевидно.

А между тем люди, производящие теперь революцию в России, думают, что насилием свергнув существующее правительство и насилием же учредив новое – конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут цели совершающейся революцией – свободы.

Но история не повторяется. Насильническая революция отжила свое время. Всё, что она могла дать людям, она уже дала им и вместе с тем показала, чего она не может достигнуть. Начинаясь теперь революция в России среди совсем особенного по своему складу стомиллионного народа, и не в 1793 году, а в 1905, никак не может иметь тех целей и осуществиться теми же средствами, как революция, бывшие 60, 80, 100 лет тому назад среди совершенно иного духовного склада германских и романских народов.

Русскому земледельческому стомиллионному народу, в котором собственно и заключается весь народ, нужна не дума и не дарование каких-то свобод, перечисление которых очевиднее всего показывает отсутствие простой, истинной свободы, не учредительное собрание и замена одной насильнической власти другою, а настоящая, полная свобода от всякой насильнической власти.

Значение начинающейся в России и предстоящей всему миру революции не в установлении подоходных или иных налогов, не в отделении церкви от государства или присвоении государством общественных учреждений, не в организации выборов и мнимого участия народа во власти, не в учреждении республики самой демократической, даже социалистической, с всеобщей подачей голосов, а в действительней свободе.

Действительная же свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не какими бы то ни было новыми насильническими учреждениями, а только прекращением повиновения людям,

IV.

ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА.

Основная причина предстоящего переворота, как и всех бывших и будущих революций, – религиозная.

Под словом религия обыкновенно принято понимать или некоторые мистические определения невидимого мира, или известные обряды, культ, поддерживающий, утешающий, возбуждающий людей в их жизни, или объяснения происхождения мира, или нравственные, санкционированные божеским повелением правила жизни; но истинная религия есть прежде всего открытие того высшего, общего всем людям закона, дающего им в данное время наибольшее благо.

Еще до христианского учения среди разных народов был выражен и провозглашен высший, общий всему человечеству религиозный закон, состоящий в том, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всех, для взаимного служения (буддизм, Исаия, Конфуций, Лао-Тзе, стоики). Закон был провозглашен, и те люди, которые знали его, не могли не видеть всей его истинности и благотворности. Но установившаяся жизнь, основанная не на взаимном служении, но на насилии, до такой степени проникла во все учреждения и нравы, что, признавая благотворность закона взаимного служения, люди продолжали жить по законам насилия, которые они оправдывали необходимостью возмездия. Им казалось, что без возмездия зло за зло общественная жизнь невозможна. Одни люди брали на себя обязанность для установления благоустройства и исправления людей применять законы насилия и повелевали, другие повиновались. И повелевавшие развращались той властью, которой они пользовались. Будучи же сами развращены, они, вместо исправления людей, передавали им свой разврат. Повинующиеся же развращались участием в насилиях власти и подражанием властителям и рабской покорностью.

Тысяча девятьсот лет тому назад появилось христианство. Христианство с новой силой подтвердило закон взаимного служения и сверх того разъяснило причины, по которым закон этот не исполнялся.

Христианское учение с необыкновенной ясностью показало, что причиной этого было ложное представление о законности, необходимости насилия, как возмездия. И с разных сторон, разъяснив неразумность, зловерность возмездия, оно показало, что главное бедствие людей происходит от насилий, которые, под предлогом возмездия, производятся одними людьми над другими. Христианское учение показало, что единственное средство избавления от насилия есть покорное, без борьбы перенесение его.

«Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб, А я говорю вам: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

Учение это указывало на то, что если судьей того, в каких случаях допустимо насилие, будет человек, совершающий насилие, то не будет пределов насилию, и потому, чтобы не было насилия, надо, чтобы никто ни под каким предлогом не употреблял насилия, в особенности же под самым употребительным предлогом возмездия.

Учение это подтверждало ту простую, само собой понятную истину, что злом нельзя уничтожить зло, что единственное средство уменьшения зла насилия – это воздержание от насилия.

Учение это было ясно выражено и установлено. Но ложное понятие о справедливости возмездия и о необходимости угрозы, как необходимого условия жизни людей, так укоренилось и так много людей не знало христианского учения или знало его только в извращенном виде, что люди, принявшие закон Христа, продолжали жить по закону насилия.

Руководители людей христианского мира думали, что можно принять учение взаимного служения без учения о непротивлении, составляющего замѣк (в смысле свода) всего учения о жизни людей между собой. Принять же закон взаимного служения, не приняв заповеди непротивления, было всё равно, что, сложив свод, не укрепить его там, где он смыкается.

Люди–христиане, воображая, что, не приняв заповеди непротивления, они могут устроить жизнь лучше языческой, продолжали делать не только то, что делали нехристианские народы, но и гораздо худшие дела, и всё больше и больше удалялись от христианской жизни. Сущность христианства, вследствие неполного принятия его, всё больше и больше скрывалась, и христианские народы дошли, наконец, до того положения, в котором находятся теперь, а именно – до превращения христианских народов во вражеские войска, отдающие все свои силы на вооружения друг против друга и готовых всякую минуту растерзать друг друга; и дошли до того положения, что не только вооружились друг против друга, но вооружили и вооружают против себя и ненавидящие их и поднявшиеся против них нехристианские народы; дошли, главное, до полного в жизни отрицания не только христианства, но какого бы то ни было высшего закона.

Извращение высшего закона взаимного служения и заповеди непротивления, данной христианством для возможности осуществления этого закона, – в этом основная религиозная причина предстоящего переворота.

V.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРИНЯТИЯ ЗАПОВЕДИ НЕПРОТИВЛЕНИЯ.

Мало того, что христианское учение показывало, что мщение и воздаяние злом за зло невыгодно и неразумно, увеличивая зло, – оно показывало и то, что непротивление злу насилием, перенесение всякого насилия без борьбы с насилием было единственное средство достижения той истинной свободы, которая свойственна человеку. Христианское учение показывало, что как только человек вступал в борьбу с насилием, он этим самым лишал себя свободы, так как, допуская насилие для себя против других, он этим самым допускал насилие и

против себя и потому мог быть покорен тем насилием, с которым боролся, и если даже оставался победителем, то, вступая в область внешней борьбы, был всегда в опасности в будущем быть покоренным более сильным.

Учение христианское показывало, что свободен может быть только человек, целью своей ставящий исполнение высшего, общего всему человечеству закона взаимного служения, для которого не может быть препятствий. Учение это показывало, что единственное средство как для уменьшения в мире насилия, так и для достижения полной свободы, есть только одно: покорное, без борьбы, перенесение какого бы то ни было насилия.

Христианское учение провозглашало закон полной свободы человека, но при необходимом условии подчинения высшему закону, во всем его значении.

«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. X, 28).

Принявшие это учение во всем его значении, повинаясь высшему закону, были свободны от всякого другого повиновения. Они покорно переносили насилие от людей, но не повиновались людям в делах, не согласных с высшим законом.

И так поступали первые христиане, когда они были в малом числе среди языческих народов.

Они отказывались от повиновения правительствам в делах, не согласных с высшим законом, который они называли законом Бога; они были гонимы и казнимы за это, но не повиновались людям и были свободны.

Когда же целые народы, жившие в установленном и поддерживаемом насилием государственном устройстве, были посредством внешних обрядов крещения признаны христианами, отношение христиан к власти совершенно изменилось. Правительства с помощью покорного им духовенства внушали своим подданным, что насилия и убийства могут быть совершаемы, когда употребляются для справедливого возмездия и для защиты угнетенных и слабых. Кроме того, заставляя людей присягать властям, то есть клясться перед Богом, что они будут беспрекословно исполнять всё, что будет предписано властью, правительства довели своих подданных до того, что люди, считавшие себя христианами, перестали считать запрещенным насилие и убийства. Совершая же насилия и убийства, они естественно подчинялись и тем насилиям, которые совершались над ними.

И сделалось то, что люди-христиане, вместо свободы, провозглашенной Христом, вместо того чтобы считать, как это и было прежде, своим долгом переносить всякое насилие, но не повиноваться никому, кроме Бога, и быть свободными, стали понимать свои обязанности совершенно обратно: стали считать для себя позорным переносить без борьбы насилие (честь) и считать священной обязанностью повиноваться власти правительств и стали рабами. Воспитываемые в этих преданиях, они не только не стыдились своего рабства, но гордились могуществом

своих правительств, как всегда рабы гордятся величием своих господ.

В последнее же время из этого извращения христианства вырос еще новый обман, закрепивший христианские народы в их порабощении. Обман этот состоит в том, что посредством сложного устройства выборов представителей в правительственные учреждения людям известного народа внушается, что, избирая того, кто далее будет вместе с другими избирать того или другого из десятка неизвестных ему кандидатов или избирая прямо своих представителей, они делаются участниками правительственной власти и потому, повинаясь правительству, повинуются сами себе и потому будто бы свободны. Обман этот, казалось бы, должен быть очевиден и теоретически и практически, так как при самом демократическом устройстве и при всеобщей подаче голосов народ не может выразить свою волю. Не может выразить ее, во-первых, потому, что такой общей воли всего многомиллионного народа нет и не может быть, а во-вторых, потому, что если и была бы такая общая воля всего народа, большинство голосов никак не может выразить ее. Обман этот, не говоря уже о том, что выбранные люди, участвующие в правлении, составляют законы и управляют народом не в виду его блага, а руководствуясь по большей части единственной целью среди борьбы партий удержать свое значение и власть, – не говоря уже о производимом этим обманом развращении народа всякого рода ложью, одурением и подкупам, – обман этот особенно вреден тем самодовольным рабством, в которое он приводит людей, подпавших ему. Люди, подпавшие этому обману, воображая, что они, повинаясь правительству, повинуются сами себе, уже никогда не решаются ослушаться постановлений человеческой власти, хотя бы они и были противны не только их личным вкусам, выгодам, желаниям, но и высшему закону и их совести.

А между тем действия и распоряжения правительства таких мнимо самоуправляющихся народов, обуславливаемые сложной борьбой партий и интриг, борьбой честолюбия и корыстолюбия, так же мало зависят от воли и желания всего народа, как и действия и распоряжения самых деспотических правительств. Люди эти подобны заключенным в тюрьмах, воображающим, что они свободны, если имеют право подавать голос при выборе тюремщиков для внутренних хозяйственных распоряжений тюрьмы.

Член самого деспотического дагомейского народа может быть вполне свободен, хотя и может подвергнуться жестоким насилиям от власти, которую не он устанавливал; член же конституционного государства всегда раб, потому что, воображая, что он участвовал или может участвовать в своем правительстве, он признает законность всякого совершаемого над ним насилия, повинуетя всякому распоряжению власти.

Так что люди конституционных государств, воображая, что они свободны, именно вследствие этого воображения утрачивают даже понятие о том, в чем состоит истинная свобода. Такие люди, воображая, что они освобождают себя, всё более и более отдаются в всё большее и большее рабство своим правительствам.

Ничто так ясно не показывает того всё большего и большего стремления к порабощению народов, как распространение и успех социалистических

теорий, то есть стремление ко всё большему и большему порабощению.

Хотя русские люди в этом отношении и находятся в более выгодных условиях, так как они до сих пор никогда не участвовали во власти и не развращались этим участием, но и русские люди, как и другие народы, подвергались всем обманам возвеличения власти, клятвы, присяги, престижу величия государства, отечества и также считают своей обязанностью во всем повиноваться правительству.

В последнее же время легкомысленные люди русского общества стараются привести русский народ и к тому конституционному рабству, в котором находятся европейские народы.

Так что главным последствием непринятия заповеди непротивления, кроме бедствия всеобщего вооружения и войн, было еще всё большее и большее лишение свободы людей, исповедующих извращенный закон Христа.

VI.

ПЕРВАЯ ВНЕШНЯЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА.

Извращение учения Христа с непризнанием заповеди непротивления привело христианские народы к взаимной вражде и к вытекающим из нее бедствиям и всё усиливавшемуся рабству, и люди христианского мира начинают чувствовать тяжесть этого рабства. В этом основная, общая причина предстоящего переворота. Частные же, временные причины, сделавшие то, что переворот этот начинается именно теперь, заключаются, во-первых, в особенно обличившемся в японской войне безумии всё растущего милитаризма народов христианского мира и, во-вторых, во всё увеличивающихся бедственности и недовольстве рабочего народа, происходящих от лишения этого народа его законного и естественного права пользования землей.

Две причины эти общи всем христианским народам, но, по особенным историческим условиям жизни русского народа, они резче, живее других народов чувствуются русским народом, и именно теперь. Бедственность своего положения, вытекающая из повиновения правительству, особенно ясна стала русскому народу, я думаю, не только вследствие той ужасной, нелепой войны, в которую он был вовлечен своим правительством, но и потому, что русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы. Русский народ никогда не боролся со властью и, главное, никогда не участвовал в ней, не развращался участием в ней.

Русский народ всегда смотрел на власть не как на благо, к которому свойственно стремиться каждому человеку, как смотрит на власть большинство европейских народов (и как, к сожалению, смотрят уже некоторые испорченные люди русского народа), но смотрел всегда на

власть как на зло, от которого человек должен устраниваться. Большинство людей русского народа поэтому всегда предпочитало нести телесные бедствия, происходящие от насилия, чем духовную ответственность за участие в нем. Так что русский народ в своем большинстве подчинялся и подчиняется власти не потому, что не может свергнуть ее, чему хотят научить его революционеры, и не принимает в ней участия не потому, что не может добиться этого участия, чему хотят научить его либералы, а потому, что всегда в своем большинстве предпочитал и предпочитает подчинение насилию, борьбе с ним или участию в нем. От этого установилось и держалось в России всегда деспотическое правление, то есть простое насилие сильного и желающего бороться над слабым или не желающим бороться.

Легенда о призвании варягов, составленная, очевидно, после того, как варяги уже завоевали славян, вполне выражает отношение русских людей к власти даже до христианства. «Мы сами не хотим участвовать в грехах власти. Если вы не считаете это грехом, приходите и властвуйте». Этим же отношением к власти объясняется та покорность русских людей самым жестоким и безумным, часто даже не русским самодержцам.

Так в старину смотрел русский народ на власть и свои отношения к ней. Так в своем большинстве смотрит он на нее и теперь. Правда, что, как и в других государствах, те же обманы внушения, посредством которых христианских людей заставляли незаметно не только подчиняться, но и повиноваться ей в делах, противных христианству, произведены были и над русским народом. Но обманы эти захватили только верхние, испорченные слои народа, большинство же его удержало тот взгляд на власть, при котором человек считает лучшим нести страдания от насилия, чем участвовать в нем.

Причина такого отношения русского народа к власти, я думаю, заключается в том, что в русском народе, больше чем в других народах, удержалось истинное христианство, как учение братства, равенства, смирения и любви, то христианство, которое делает резкое различие между подчинением насилию и повиновением ему. Истинный христианин может подчиняться, даже не может не подчиняться без борьбы всякому насилию, но не может повиноваться ему, то есть признавать его законность.

Как ни старались и ни стараются правительства вообще, и русское в особенности, заменить это истинное христианское отношение к власти православно-государственным учением, требующим повиновения, христианский дух и различие между подчинением и повиновением власти продолжает жить в огромном большинстве русского рабочего народа.

Несогласие правительственного насилия с христианством никогда не переставало чувствоваться большинством русских людей. В особенности же сильно и определенно чувствовалось это противоречие наиболее чуткими христианами, не принадлежавшими к извращенному учению православия, между так называемыми сектантами. Эти разных наименований христиане, все одинаково, не признавали законности власти правительства. Большинство ради страха покорялось

признаваемым ими незаконными требованиями правительства, некоторые же, малая часть, разными хитростями обходили эти требования или убегали от них. Когда же введением общей воинской повинности государственное насилие как бы бросило вызов всем истинным христианам, требуя от всякого человека готовности к убийству, многие православные русские люди начали понимать несогласие христианства с властью. Христиане же не православные, самых различных вероисповеданий, стали прямо отказываться от солдатства. И хотя таких отказов было немного (едва ли один на тысячу призываемых), значение их было велико тем, что отказы эти, вызвавшие жестокие казни и гонения правительства, открывали глаза уже не одним сектантам, а всем русским людям на нехристианские требования правительства, и огромное большинство людей, прежде не думавших о противоречии закона божеского и человеческого, увидели это противоречие. И среди большинства русского народа началась та невидимая, глухая, не подлежащая взвешиванию работа освобождения сознания.

Таково было положение русского народа, когда возникла жестокая, не имеющая никаких оправданий японская война.

И вот эта-то война, при развитии грамотности, при всеобщем недовольстве и, главное, при необходимости вызова в первый раз сотен тысяч рассеянных по всей России пожилых, отрываемых от семей и разумного труда людей (запасных), для явно безумного и жестокого дела – война эта была тем толчком, который превратил невидную, глухую, внутреннюю работу в явное сознание незаконности требований правительства.

И сознание это выразилось и выражается теперь в самых разнообразных и значительных явлениях: в сознательных отказах запасных от вступления в войска, в таких же сознательных отказах стрелять и драться, особенно в отказах стрелять в своих при усмирении возмущений, а, главное, в всё учащающихся и учащающихся отказах от присяги и солдатства.

Таковы сознательные проявления незаконности и ненужности повиновения правительству. Бессознательные же проявления этого же самого – это всё то, что творится теперь как революционерами, так и их врагами: таковы бунты моряков в Черном море, Кронштадте, военные бунты в Киеве и других местах, погромы, самоуправства, крестьянские бунты. Престиж власти разрушен, и перед русскими людьми нашего времени, перед огромным большинством их, возник во всем великом значении вопрос о том, должно ли, следует ли повиноваться правительству.

В этом возникшем в русском народе вопросе – одна из причин предстоящего, а может быть и начавшегося великого всемирного переворота.

VII.

ВТОРАЯ ВНЕШНЯЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА.

Вторая внешняя причина предстоящего переворота в том, что рабочий народ лишен своего естественного, законного права пользования землей и что это лишение довело народы христианского мира до всё увеличивающейся и увеличивающейся бедственности рабочего народа и всё увеличивающейся озлобленности его против пользующихся его трудами сословий.

Причина эта особенно живо чувствуется в России потому, что только в России большинство рабочего народа живет еще земледельческой жизнью и русские люди только теперь, вследствие увеличения населения и недостатка земли, поставлены в необходимость или оставлять ту привычную им земледельческую жизнь, в которой одной они полагают возможным осуществление христианского общежития, или перестать повиноваться правительству, которое удерживает за частными владельцами отнятую у народа землю.

Обыкновенно думают, что самое жестокое рабство есть рабство личное, когда один человек может сделать над другим всё, что хочет: истязать, изуродовать, убить его и что то, что мы даже не называем рабством – лишение человека возможности пользоваться землей, – есть только некоторое, не совсем справедливое экономическое учреждение.

Но мнение это совершенно несправедливо.

То, что сделал Иосиф с египтянами, что делали все завоеватели над завоеванными народами, что делают теперь люди над людьми, лишая их возможности пользоваться землей, – есть самое ужасное и жестокое порабощение. Раб личный – раб одного, человек же, лишенный права пользоваться землей, – раб всех.

Но не в этом главное бедствие раба земельного. Как ни жесток мог быть хозяин личного раба, он, в виду своей выгоды, чтобы не лишиться раба, не заставлял его не переставая работать, не мучил, не морил его голодом; лишенный же земли раб часто должен через силу работать, мучиться, голодать и никогда ни минуты не может быть вполне обеспеченным, т. е. свободным от произвола людей и преимущественно от произвола недобрых, корыстных людей, во власти которых он находится.

И в этом еще не главное бедствие земельного раба. Главное его бедствие в том, что он не может жить нравственной жизнью. Не живя трудами с земли, не борясь с природой, он должен неизбежно бороться с людьми: силой или хитростью стараться отбирать у них то, что они приобрели от земли и от трудов других людей.

Земельное рабство не есть, как думают даже и те, которые признают лишение людей земли рабством, одна из остающихся форм рабства, а есть коренное, основное рабство, из которого вырастает и выросло всякое рабство и которое несравненно мучительнее личного рабства.

Личное рабство есть только один из частных случаев злоупотребления земельным рабством, так что освобождение людей от личного рабства без освобождения их от земельного рабства есть не освобождение, а только прекращение одного из злоупотреблений рабства и во многих случаях, как это было в России при освобождении крепостных с малым количеством земли, только обман, на время скрывающий от рабов их положение.

Русский народ понимал это всегда при крепостном праве, говоря: «мы ваши, а земля наша», и при освобождении не переставая всем народом требовал и ожидал освобождения земли. Народ поманили, дав ему при освобождении от крепостного права немного земли, и он на время затих, но при увеличившемся населении, при той же земле вопрос возник для него вновь и в самой ясной и определенной форме.

Пока народ был крепостной, он пользовался землею в тех размерах, которые были необходимы ему для существования. О распределении же увеличивающегося населения заботилось правительство и помещики, и народу не чувствительна была основная несправедливость захвата земель частными лицами. Но как скоро снято было крепостное право, уничтожилась забота правительства и помещиков об экономическом, земледельческом хотя не благосостоянии, а возможности существования народа. Количество земли, которым крестьяне могли владеть, было раз навсегда определено без возможности его увеличения, а население увеличивалось, и народ всё живее и живее чувствовал тяжесть своего положения. И он ждал, что правительство отменит законы, лишившие его земли. Ждал 10, 20, 30, 40 лет, а земля всё больше и больше захватывалась частными владельцами, и народу был поставлен выбор: голодать, не размножаться или совсем бросать сельскую жизнь и образовывать поколения грабей, ткачей, слесарей.

Прошло полстолетия, положение народа всё ухудшалось и ухудшалось и дошло, наконец, до того, что стал разрушаться тот строй жизни, который он считает необходимым для христианской жизни: и правительство, мало того что не дает ему земли, а, отдавая ее своим слугам и удерживая ее за ними, внушает народу, чтобы он не надеялся на свободу земли, и устраивает ему, по европейскому образцу, с фабричными инспекторами, промышленную жизнь, которую он считает дурной и греховной.

Лишение народа его законного права на землю – главная причина бедственного положения русского народа. И та же причина лежит в основе бедственности и недовольства своим положением рабочего народа Европы и Америки. Разница только в том, что отъем земли у европейских народов признанием законности частной земельной собственности совершился так давно, столько новых отношений легло сверх этой несправедливости, что люди Европы и Америки не видят истинной причины своего положения и ищут ее везде: в отсутствии рынков, в тарифах, в неправильном обложении, в капитализме, во всем, только не в том, в чем она действительно заключается, – в отнятии у народа права на землю.

Русским же людям эта основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними, ясно видна.

Русские люди, живя на земле, видят ясно то, что хотят сделать с ними, и не могут примириться с этим.

Бессмысленные и губительные вооружения и войны и лишение народа общего права на землю – таковы, по моему мнению, две ближайшие внешние причины предстоящего всему христианскому миру переворота. Начинается же этот переворот не где-нибудь, а именно в России, потому, что нигде, как в русском народе, не удержалось в такой силе и чистоте христианское мировоззрение, и нигде, как в России, не удержалось еще земледельческое состояние большинства народа.

VIII.

КАКОВО БУДЕТ ПОЛОЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ, ОТКАЗАВШИХСЯ ОТ ПОВИНОВЕНИЯ?

Русский народ раньше других народов христианского мира, благодаря своим особым свойствам и условиям жизни, приведен к сознанию бедственности, происходящей от повиновения насильнической государственной власти. И в этом сознании и стремлении освободиться от насилия этой власти заключается, по моему мнению, сущность того переворота, который предстоит не только русскому народу, но и всем народам христианского мира.

Людам, живущим в государствах, основанных на насилии, кажется, что уничтожение власти правительств неизбежно повлечет за собой величайшие бедствия.

Но ведь утверждение о том, что та степень безопасности и блага, которыми пользуются люди, обеспечивается государственной властью, совершенно произвольно. Мы знаем те бедствия и те блага, если они есть, которыми пользуются люди, живущие в государственном устройстве, но не знаем того положения, в котором бы были люди, упразднившие государство. Если же принять в соображение жизнь тех небольших общин, которые случайно жили и живут вне больших государств, то такие общины, пользуясь всеми благами общественного устройства, не испытывают одной сотой тех бедствий, которые испытывают люди, повинующиеся государственной власти.

О невозможности жить без государственного устройства ведь говорят преимущественно те самые люди правящих классов, для которых выгодно государственное устройство. Но спросите у тех людей, которые несут только тяжести государственной власти, у земледельцев, у 100 миллионов крестьян в России, и они скажут, что чувствуют только тяжесть ее и не только не считают себя обеспеченными государственной властью, но совершенно не нуждаются в ней.

Я много раз, во многих писаниях своих старался показать, что то, чем пугают людей, а именно тем, что без правительственной власти

восторжествуют худшие люди, лучшие же будут угнетены, – что именно это самое давно уже совершилось и совершается во всех государствах, так как везде власть в руках худших людей, что и не может быть иначе, потому что только худшие люди могут делать все те хитрости, подлости, жестокости, которые нужны для участия во власти; много раз я старался показать, что все главные бедствия, от которых страдают люди, как накопление огромных богатств у одних людей и нищета большинства, захват земли неработающими на ней, неперестающие вооружения и войны и развращение людей, – происходят только от признания законности правительственного насилия; старался показать, что для того чтобы ответить на вопрос о том, хуже или лучше будет положение людей без правительств, надо прежде решить вопрос о том, из кого состоит правительство. Хуже или лучше среднего уровня людей люди, составляющие правительство? Если эти люди лучше среднего уровня, то правительство будет благотворно, если же хуже, то зловредно. А то, что эти люди – Иоанны IV, Генрихи VIII, Мараты, Наполеоны, Аракчеевы, Меттернихи и Талейраны – хуже общего уровня, показывает история.

Я старался показать, что во всяком обществе людей всегда есть люди властолюбивые, бессовестные, жестокие, готовые для своей выгоды совершать всякого рода насилия, грабежи, убийства; и что в обществе без правительства эти люди будут разбойниками, сдерживаемыми в своих поступках отчасти борьбой с ними оскорбленных ими людей (самосуд, линчеванье), отчасти, и преимущественно, могущественнейшим орудием воздействия на людей – общественным мнением. В обществе же, управляемом насильнической властью, эти самые люди захватят власть и будут пользоваться ею, не только не сдерживаемые общественным мнением, а, напротив, поддерживаемые, восхваляемые, возвеличиваемые подкупленным и искусственно вызванным ими общественным мнением.

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: разумные или неразумные существа люди? Если они неразумные существа, то всё между ними может и должно решаться насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны не на насилии, а на разуме.

Казалось, довод этот должен бы быть убедителен для людей, признающих себя разумными существами. Но люди, защищающие государственную власть, не думают о человеке, о его свойствах, об его разумной природе; они говорят об известном соединении людей, которому они придают какое-то сверхъестественное, мистическое значение.

«Что станет с Россией, Францией, Британией, Германией, – говорят они, – если люди перестанут повиноваться правительствам?»

Что станет с Россией? Россия? Что такое Россия? Где ее начало, где конец? Польша? Остзейский край? Кавказ со всеми своими народами? Казанские татары? Ферганская область? Амур? Всё это не только не Россия, но всё это чужие народы, желающие освобождения от того

соединения, которое называется Россией. То, что эти народы считаются частью России, есть случайное, временное явление, обусловливаемое в прошедшем целым рядом исторических событий, преимущественно насилий, несправедливостей и жестокостей; в настоящем же соединении это держится только той властью, которая распространяется на эти народы.

На нашей памяти Ницца была Италия, вдруг, стала Францией; Эльзас был Франция, стал Пруссией; Приморская область была Китай, стала Россией; Сахалин был Россия, стал Японией. Нынче власть Австрии распространяется на Венгрию, Богемию, Галицию, а английского правительства – на Ирландию, Канаду, Австралию, Египет и мн. др., русского правительства на Польшу, Грузию и т. д. Но завтра власть эта может прекратиться. Единственная сила, связывающая воедино все эти России, Австрии, Британии, Франции, – это власть. Власть же есть произведение людей, которые, противно своей разумной природе и закону свободы, открытому Христом, повинуются людям, требующим от них дурных дел насилия. Стоит только людям сознать свою, свойственную разумным существам свободу и перестать делать по требованию власти дела, противные их совести и закону, и не будет этих искусственных, кажущихся столь величественными соединений России, Британий, Германий, Франций, того самого, во имя чего люди жертвуют не только своей жизнью, но и свойственной разумным существам свободой.

Стоит только людям перестать повиноваться власти ради тех нигде не существующих, кроме как в их воображении, кумиров единой России, Франции, Британии, Соединенных Штатов, Австрий, и сами собою исчезнут эти ужасные кумиры, которые теперь губят телесное и душевное благо людей.

Принято говорить, что образование больших государств из мелких, постоянно борющихся между собой, заменяя внешней, большой границей мелкие разграничения, уменьшило тем самым борьбу и кровопролитие и зло борьбы. Но утверждение это совершенно произвольно, так как никто не взвесил количества зла и в том и в другом положении. И трудно думать, что все войны удельного периода в России, Бургундии, Фландрии, Нормандии, во Франции стоили столько жертв, сколько войны Наполеона, Александра, сколько японская, только-что окончившаяся война.

Единственное оправдание увеличения государства – это образование всемирной монархии, при существовании которой уничтожилась бы возможность войн. Но все попытки образования такой монархии, от Александра Македонского и Римской империи до Наполеона, никогда не достигали цели умиротворения, а, напротив, были причиной величайших бедствий для народов. Так что умиротворение людей никак не может быть достигнуто увеличением и усилением государств. Достигнуто это может быть только обратным: уничтожением государств с их насильнической властью.

Были и жестокие и губительные суеверия, людские жертвы, костры за колдовство, войны за веру, пытки... Но ведь люди освободились от этих суеверий. Суеверие же государства, отечества, как чего-то священного, продолжает властвовать над людьми, и суеверию этому

приносятся едва ли не более жестокие и губительные жертвы, чем всем прежним. Сущность этого суеверия в том, что людей разных местностей, нравов, интересов уверяют, что они все составляют одно целое, потому что одно и то же насилие употребляется над всеми ими, и люди верят в это и гордятся своей принадлежностью к этому соединению.

Суеверие это существует так давно и так усиленно поддерживается, что не только все те люди, которые пользуются этим суеверием: короли, министры, генералы, военные, чиновники, уверены в том, что существование, утверждение и увеличение этих искусственных единиц составляет благо тех людей, которые захвачены этими соединениями, но и эти самые люди так привыкают к этому суеверию, что гордятся своей принадлежностью к России, Франции, Германии, хотя эта принадлежность ни на что им не нужна и ничего, кроме зла, не доставляет им.

И потому уничтожение искусственных соединений больших государств вследствие того, что люди покорно, без борьбы, подчиняясь всякому насилию, перестанут повиноваться правительству, не представляет ничего страшного, и если и когда совершится, сделает только то, что среди таких людей, не признающих своей принадлежности к государству, будет меньше насилия, меньше страданий, меньше зла и что таким людям будет легче жить согласно тому высшему закону взаимного служения, который уже столько веков тому назад был открыт людям и понемногу всё более и более входит в сознание человечества.

IX.

КАКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ БУДЕТ СОДЕЙСТВОВАТЬ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПЕРЕВОРОТУ.

Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти. И так как сущность этого переворота совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире революций, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иная, чем деятельность участников прежних революций.

Деятельность участников прежних революций состояла в насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устроении своей жизни независимо от правительства.

Мало того, что деятельность участников предстоящего переворота иная, чем деятельность участников прежних переворотов, но и главные участники этого переворота совсем другие, и место, где он должен происходить, иное, и количество участников иное.

Участники прежних революций – это преимущественно люди высших,

освобожденных от физического труда профессий и руководимые этими людьми городские рабочие; участники же предстоящего переворота должны быть и будут преимущественно народные земледельческие массы. Места, в которых начинались и происходили прежние революции, были города; местом теперешней революции должна быть преимущественно деревня. Количество участников прежних революций – 10, 20 процентов всего народа; количество участников теперешней совершающейся в России революции должно быть 80, 90 процентов.

И потому вся деятельность волнующихся городских людей в России, которые, подражая Европе, собираются в союзы, делают стачки, демонстрации, бунты, придумывают новые формы правления, не говоря уже о тех несчастных, озверевших людях, которые совершают смертоубийства, думая этим служить начинающемуся перевороту, – вся деятельность этих людей не только не соответствует имеющему совершиться перевороту, но гораздо действительнее, чем правительства (они, сами не зная того, самые верные помощники правительства), останавливает ход имеющегося совершиться переворота, ложно направляет и тормозит его.

Опасность, угрожающая теперь русскому народу, не в том, что не будет свергнуто силою существующее насильническое правительство и не будет поставлено на его место другое, также насильническое, какое бы то ни было демократическое или даже социалистическое, а в том, что эта борьба с правительством вовлечет народ в насильническую деятельность. Опасность в том, что русский народ, по своему особенному положению призванный к указанию мирного и верного пути освобождения, вместо этого будет вовлечен людьми, не понимающими всего значения совершающегося переворота, в рабское подражание прежде бывшим революциям и, бросив тот спасительный путь, на котором он стоит теперь, пойдет по тому ложному пути, по которому к своей верной гибели идут остальные народы христианского мира.

Для того чтобы избавиться от этой опасности, русским людям надо прежде всего быть самими собою, не спрашивать о том, как поступать и что делать, у европейских и американских конституций или в социалистических проектах, а спрашивать совета только у своей совести. Русским людям, для того чтобы исполнить то великое дело, которое предстоит им, надо не только не заботиться о политическом управлении России и об обеспечении свободы граждан русского государства, но прежде всего освободиться от самого понятия русского государства, а потому и от заботы о правах граждан этого государства. Русским людям в настоящую минуту, для того чтобы достигнуть освобождения, надо не только не предпринимать что-либо, но, напротив, надо воздерживаться от всяких предприятий, как от тех, в которые их втягивает правительство, так и от тех, в которые хотят втянуть их революционеры и либералы.

Русскому народу, большинству его, крестьянам, нужно продолжать жить, как они всегда жили, – своей земледельческой, мирской, общинной жизнью и без борьбы подчиняться всякому, как правительственному, так неправительственному насилию, но не повиноваться требованиям участия в каком бы то ни было правительственном насилии, не давать добровольно податей, не служить добровольно ни в полиции, ни в

администрации, ни в таможне, ни в войске, ни во флоте, ни в каком бы то ни было насильническом учреждении. Точно также, и еще строже, надо крестьянам воздерживаться от насилий, к которым возбуждают их революционеры. Всякое насилие крестьян над землевладельцами вызовет борьбу с ответным насилием и во всяком случае кончится установлением такого или другого, но непременно насильнического правительства. А при всяком насильническом правительстве, как это происходит в самых свободных землях Европы и Америки, точно так же объявляются и ведутся бессмысленные, жестокие войны и точно так же земля продолжает быть собственностью богачей. Только неучастие народа ни в каком насилии может уничтожить все насилия, от которых он страдает, может прекратить возможность нескончаемых вооружений и войн и может уничтожить земельную собственность.

Так надо поступать крестьянам-земледельцам, для того чтобы совершающийся переворот принес благие последствия.

Людям же городских сословий: дворянам, купцам, врачам, ученым, писателям, техникам, фабричным рабочим, которые теперь заняты революцией, надо прежде всего попятить свое ничтожество, хотя бы только численное, – одного против ста – в сравнении с земледельческим народом; понять, что цель совершающегося переворота не может быть и не должна состоять в учреждении нового политического, насильнического строя с каким бы то ни было всеобщим голосованием, с какими бы то ни было усовершенствованными социалистическими учреждениями, а цель эта может и должна состоять только в освобождении всего и в особенности большинства его, стомиллионного земледельческого народа от всякого рода насилия, от военного насилия – солдатства, от податного насилия – пошлин и податей и от земельного насилия – захвата земли землевладельцами и что для этого нужна совсем не та суетливая и недобрая деятельность, которой теперь заняты русские либералы и революционеры, а совсем другое. Люди эти должны понять, что революция не делается нарочно: «дай, мы сделаем революцию», что революцию нельзя делать по готовым образцам, подражая тому, что делалось сто лет тому назад, при совершенно других условиях. Главное же – люди эти должны понять, что революция только тогда улучшает положение людей, когда люди, сознав неосновательность и бедственность прежних основ жизни, стремятся к устройению жизни на новых основах, могущих дать им истинное благо.

У людей же, теперь стремящихся сделать в России политическую революцию по образцу европейских революций, нет никаких новых основ. Они стремятся только к тому, чтобы переменить одну старую форму насилия на новую, точно так же осуществляемую насилием и несущую с собой те же бедствия, как и те, которые терпит теперь русский народ, как мы это видим в Европе и Америке, где тот же милитаризм, те же подати, тот же захват земли.

То же, что большинство революционеров выставляет новой основой жизни социалистическое устройство, которое может быть достигнуто только самым жестоким насилием и которое, если бы когда-нибудь и было достигнуто, лишило бы людей последних остатков свободы, показывает только то, что у людей этих нет никаких новых основ жизни.

Идеалом нашего времени не может быть изменение формы насилия, а только полное упразднение его, достигаемое неповиновением человеческой власти.

Так что если люди городских сословий хотят действительно служить совершающемуся великому перевороту, то первое, что они должны сделать, – это то, чтобы оставить ту жестокую революционную, неестественную, выдуманную деятельность, которой они теперь заняты, и, поселившись в деревне и разделяя труд народа, постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства, не только не возбуждать его, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать его от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти.

Х.

УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА, ОСВОБОДИВШЕГОСЯ ОТ НАСИЛЬНИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Но как, в каких формах могут жить люди христианского мира, если они не будут жить в форме государства, повинаясь правительственной власти?

Ответ на этот вопрос дают те самые свойства русского народа, вследствие которых я думаю, что предстоящий переворот начинается и должен совершиться не где-нибудь, а именно в России.

Отсутствие власти в России никогда не мешало правильной и мирной общественной жизни земледельческих общин. Напротив, вмешательство правительственной власти всегда мешало этому внутреннему, свойственному русскому народу устройству.

Русский народ, как и большинство земледельческих народов, естественно складывается, как пчелы в ульи, в определенные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требованиям совместной жизни людей. Везде, где только русские люди осаживались без вмешательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а свободное, основанное на взаимном согласии мирское, с общинным владением землей управление, которое вполне удовлетворяло требованиям мирного общежития. Такие общины заселили без помощи правительства все восточные окраины России. Такие общины уходили в среднюю Азию, в Турцию, как некресовцы, и, удерживая свое христианское общинное устройство, спокойно жили там поколениями под властью турецкого султана. Такие общины переходили в Китай, не зная того, что занимаемая ими земля принадлежит Китаю, и жили там долгое время, не нуждаясь ни в каком, кроме своего внутреннего управления,

правительстве. И точно так же живут русские земледельческие люди, огромное большинство населения в России, не нуждаясь в правительстве, а только терпя его. Правительство для русского народа никогда не было необходимостью, а всегда было тягостью.

Отсутствие правительства, того самого правительства, которое удерживает силою право на пользование землей за неработающими землевладельцами, только может содействовать той общинной земледельческой жизни, которую русский народ считает необходимым условием хорошей жизни, содействовать тем, что, уничтожив власть, поддерживающую земельную собственность, освободит землю и даст на нее одинаковые, равные права всем людям.

И потому русским людям не нужно при упразднении правительства выдумывать те новые формы общежития, которые должны были бы заменить прежние. Такие формы общежития существуют среди русского народа, всегда были свойственны ему и вполне удовлетворяют его требованиям общественной жизни.

Формы эти – это мирское, при равенстве всех членов мира, управление, артельное устройство при промышленных предприятиях и общинное владение землей.

Переворот, который предстоит христианскому миру и который, начинается теперь в русском народе, тем и отличается от прежних революций, что прежние разрушали, не ставя ничего на место разрушенного ими или ставя вместо одной формы насилия другую. В предстоящем же перевороте ничего не нужно разрушать, нужно только перестать участвовать в насилии, не вырывать растения, ставя на его место нечто искусственное и неживое, а только устранять всё то, что мешает его росту.

И потому содействовать великому, совершающемуся теперь перевороту будут не те торопливые и самоуверенные люди, которые, не понимая того, что причина зла, с которым они борются, в насилии и, не представляя себе никакой формы жизни вне насилия, слепо и необдуманно разрушают существующее насилие с тем, чтобы заменить его новым. Содействовать совершающейся революции будут только те люди, которые, ничего не разрушая, ничего не ломая, будут устраивать свою жизнь независимо от правительства, будут без борьбы нести всякое совершаемое над ними насилие, но не будут участвовать в правительстве, не будут повиноваться ему.

Русскому народу, земледельческому народу, огромному большинству, надо, продолжая жить, как он живет теперь, земледельческой, общинной жизнью, не участвовать в делах правительства и не повиноваться ему.

Чем больше будет держаться русский народ такого свойственного ему общежития, тем менее будет возможно вмешательство в его жизнь правительственной, насильнической власти и тем легче будет упразднена эта власть, всё менее и менее находя поводов к вмешательству и всё менее и менее находя помощников для исполнения своих дел насилия.

И потому на вопрос о том, к каким последствиям приведет людей прекращение повиновения правительствам, можно наверное сказать, что последствием этого будет уничтожение того насилия, которое заставляло людей вооружаться и воевать друг с другом и лишало их права пользоваться землей. Освобожденные же от насилия люди, не готовясь более к войне и не воюя друг с другом и имея доступ к земле, естественно вернуться к тому свойственному вообще людям самому радостному, здоровому и нравственному земледельческому труду, при котором усилия человека направлены на борьбу с природой, а не с людьми, к тому труду, на котором зиждутся все другие отрасли труда и который может быть оставлен только людьми, живущими насилем.

Прекращение повиновения правительствам должно привести людей к земледельческой жизни, земледельческая же жизнь – к самому естественному при такой жизни общинному устройству небольших, находящихся в одинаковых земледельческих условиях обществ.

Весьма вероятно, что общины эти не будут жить обособленно и войдут между собою, вследствие единства экономических, племенных или религиозных условий, в новые, свободные соединения, но совершенно иные, чем прежние – государственные, основанные на насилии.

Отрицание насилия не лишает людей возможности соединений, но соединения, основанные на взаимном согласии, могут образоваться только тогда, когда будут разрушены соединения, основанные на насилии.

Для того чтобы построить новый и прочный дом на месте разрушающегося, надо разобрать старые стены, камень по камню, и вновь строить.

То же и с теми соединениями, которые могут образоваться между людьми после разрушения соединения, основанного на насилии.

XI.

ЧТО СТАНЕТСЯ С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ?

Но что же станется со всем тем, что выработали люди, что станется с цивилизацией?

«Возвращение к обезьянам», «письмо Вольтера к Руссо о том, чтобы научиться ходить на четвереньках», «возвращение к какой-то естественной жизни», скажут люди, которые так уверены в том, что та цивилизация, которой мы пользуемся, есть великое благо, что они не допускают даже мысли о потере чего-нибудь из того, что выработано цивилизацией.

«Как – грубая, давно пережитая человечеством земледельческая община

в деревенской глуши вместо наших городов, с подземными и надземными электрическими дорогами, электрическими солнцами, музеями, театрами, памятниками?» скажут эти люди. Да, и с нищенскими кварталами, с slums

[1] Лондона, Нью-Йорка и всех больших городов, с домами терпимости, банками, взрывчатыми бомбами против врагов внешних и внутренних, с тюрьмами, эшафотами, с миллионными войсками, скажу я.

«Цивилизация, наша цивилизация – великое благо», говорят люди. Но ведь люди, которые так уверены в этом, – это те немногие люди, которые живут не только в этой цивилизации, но живут ею, живут в полном довольстве, живут почти праздно в сравнении с трудом рабочего народа, только потому, что есть эта цивилизация.

Все эти люди – короли, императоры, президенты, князья; министры, чиновники, военные, землевладельцы, купцы, техники, врачи, ученые, художники, учителя, священники, писатели – знают, наверное знают, что наша цивилизация есть такое великое благо, что нельзя допустить и мысли о том, чтобы она могла не только исчезнуть, но даже измениться. Но спросите у огромной массы земледельческого народа – славянского, китайского, индийского, русского, у девяти десятых человечества – благо или не благо та цивилизация, которая кажется такой драгоценной неземледельческим профессиям? И, странное дело, девять десятых человечества ответят совершенно иначе. Они знают, что им нужна земля, навоз, орошение, солнце, дождь, леса, урожаи, некоторые простые орудия труда, которые можно делать, не оставляя земледельческой ЖИЗНИ; но про цивилизацию они или не знают, или, когда она представляется им в виде разврата городов или в виде несправедливых судов с своими тюрьмами и каторгами, или в виде податей и устройства ненужных дворцов, музеев, памятников, или в виде таможен, мешающих свободному обмену произведений, или в виде пушек, броненосцев, войск, разграбляющих страны, – они скажут, что если в этом цивилизация, то она не только не нужна, но очень вредна им.

Люди, пользующиеся благами цивилизации, говорят, что она благо для всего человечества, но ведь они в этом вопросе не судьи и не свидетели, а сторона.

Нет спора в том, что мы далеко ушли по дороге технического прогресса. Но кто ушел по этой дороге? То маленькое меньшинство, которое живет на шее рабочего народа; рабочий же народ, тот, который обслуживает всех людей, пользующихся цивилизацией, продолжает во всем христианском мире жить так, как он жил 5, 6 веков тому назад, пользуясь только изредка отбросами цивилизации. Если он живет и лучше, то расстояние, отделяющее его положение от положения богатых классов, не меньше, а скорее больше, чем то, которое отделяло его от богатых за 6 веков тому назад. Я не говорю, что, поняв, что цивилизация не есть абсолютное благо, как думают многие, мы должны

бросить все, что выработали люди для борьбы с природой; но я говорю, что для того чтобы знать, что выработанное людьми действительно служит их благу, надо, чтобы все люди пользовались этими благами, а не малое число; надо, чтобы люди не были вынуждены лишаться своего блага для других людей в надежде на то, что эти блага достанутся когда-то и их потомкам.

Мы смотрим на египетские пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелепость тех людей, которые приказывали их строить, как и тех, которые исполняли их приказания. Но насколько жесточе, нелепее те 10-ти и 36-тиэтажные дома, которые люди нашего мира строят по городам и гордятся ими. Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-тиэтажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова. Разве это не признак явного умопомешательства целого общества людей, не только совершающих такие безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный пример. Взгляните вокруг себя, и вы на каждом шагу увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36-тиэтажные дома, стоящие египетских пирамид.

Бессознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую делают люди, защищающие цивилизацию, состоит в том, что они цивилизацию, которая есть только орудие, признают за цель и считают ее всегда благом. Но ведь она будет благом только тогда, когда властвующие в обществе силы будут добрыми. Очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны в бомбах. Полезно железо для плугов, но губительно в ядрах, тюремных запорах.

Печать может распространять добрые чувства и мудрые мысли, но еще с большим, как мы это видим, успехом – глупые, развратные и ложные. Вопрос о том, полезна или вредна цивилизация, решается тем, что преобладает в данном обществе – добро или зло. В нашем же христианском мире, где большинство находится в рабском угнетении у меньшинства, она есть только лишнее орудие угнетения.

Пора людям высших классов понять, что то, что они называют цивилизацией, культурой, есть только и средство и последствие того рабства, в котором малая часть нерабочего народа держит огромное большинство работающих.

Пора понять нам, что спасение наше не в продолжении того пути, по которому мы шли, и не в удержании всего того, что выработали, а в признании того, что мы шли по ложной дороге и зашли в трясины, из которой надо выбраться, и что нам не заботиться надо о том, чтобы удержать то, что мы несем, а, напротив, смело побросать всё то, наименее нужное, что мы тащили на себе, чтобы только как-нибудь (хоть на четвереньках) выбраться до твердого берега.

Разумная и добрая жизнь ведь только в том и состоят, что человек или люди выбирают из многих всегда предстоящих им поступков или путей тот, который более разумен и добр. И христианскому человечеству в

его теперешнем положении необходимо, для того чтобы жить разумной жизнью, выбрать одно из двух: или продолжение того пути, при котором существующая цивилизация дает наибольшее благо немногим, удерживая в нужде и рабстве многих, или сейчас, не откладывая это в далекое будущее, отказаться от части или хоть от всех тех благ, которые выработала эта цивилизация для немногих, если только эти блага мешают освобождению большинства людей от их нужды и рабства.

XII.

СВОБОДЫ И СВОБОДА.

То, что люди нашего времени толкуют о каких-то отдельных свободах: свободе слова, печати, совести, свободе таких, а не иных выборов, свободе сходов, союзов, труда и многих других, – очевидно показывает, что такие люди, как теперь наши русские революционеры, имеют очень превратное понятие или вовсе не имеют понятия о свободе вообще, о той простой, понятной всем свободе, которая состоит в том, что над человеком нет такой власти, которая требует от него поступков, противных его желаниям и выгодам.

В этом непонимании того, что есть свобода, и вытекающем из этого непонимания представлении о том, что разрешение какими-то людьми другим людям некоторых поступков есть свобода, заключается большое и чрезвычайно вредное заблуждение. Заблуждение состоит в том, что людям нашего времени кажется, что рабская покорность насилью, в которой они находятся перед правительством, и есть естественное положение, а что разрешение правительственной властью известных поступков, определенных этой властью, есть свобода; в роде того, как рабы считали бы свободой разрешение по воскресеньям ходить в церковь, или в жаркие дни купаться, или во время свободное от работы на хозяев чинить свою одежду и т. п.

Ведь стоит только, на минуту отрешившись от установленных привычек и суеверий, взглянуть на положение всякого человека, живущего в государстве, к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны.

Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которые устанавливают законы его жизни: что он должен и чего не должен делать; и чем совершеннее государственное устройство, тем теснее сеть этих законов. Определено, кому и как он должен присягать, то есть обещаться исполнять все те законы, которые будут составляться и провозглашаться. Определено, как и когда он может жениться (он может жениться только на одной женщине, но может пользоваться домами терпимости). Определено, как он может разводиться с женой, как

содержать своих детей, каких считать законными, каких незаконными и кому и как наследовать и передавать свое имущество. Определено, за какие нарушения законов и как и кем он судится и наказуется. Определено, когда он сам должен являться в суд в качестве присяжного или свидетеля. Определен возраст, при котором он может пользоваться трудами помощников, работников и даже число часов, которое может работать в день его помощник, пища, которую он должен давать им. Определено, когда и как он должен прививать предохранительные болезни своим детям; определены меры, которые он должен принимать и которым должен подвергаться при такой-то и такой-то болезни, постигшей его или его семейных и животных. Определены школы, в которые он должен посылать своих детей. Определены размеры и прочность дома, который он может строить. Определено содержание его животных: лошадей, собак; как он может пользоваться водой и где может ходить без дороги. Определены наказания за неисполнение всех этих и еще многих других законов. Нельзя перечислить всех законов на законах и правил на правилах, которым он должен подчиняться и незнанием которых (хотя и нельзя их знать) не может отговариваться человек самого либерального государства.

При этом человек этот поставлен в такое положение, что при всякой покупке потребляемых им предметов: соли, пива, вина, сукна, железа, керосина, чая, сахара и многого другого он должен отдавать большую часть своего труда для каких-то неизвестных ему дел и для уплаты процентов за долги, которые совершены кем-то во времена его дедов и прадедов. Должен отдавать также часть своего труда и при всяком переезде с места на место, при всяком получении наследства, или какой бы то ни было сделке с ближним. Кроме того, за ту часть земли, которую он занимает или своим жилищем или обработкой поля, с него требуют еще более значительную часть его труда. Так что большая часть его труда, если он живет своим трудом, а не чужим, вместо того, чтобы облегчать и улучшать положения его и положения его семьи, уходит на эти подати, пошлины, монополии.

Мало и этого: человеку этому в одних, в большинстве государств велят, как только он войдет в возраст, поступать на несколько лет в военное, самое жестокое рабство и идти воевать; в других же государствах, Англии и Америке, он должен нанимать людей для этого же дела. И вот люди, поставленные в такое положение, не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии, России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью тех господ, перед которыми они служат.

Казалось бы естественно человеку с не извращенными и не расслабленными духовными силами, застав себя в таком ужасном и унижительном положении, сказать себе: «да зачем же я буду исполнять всё это? Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью. Оставьте меня в покое с вашей Россией, Францией, Британией. Кому это нужно, те пускай соблюдают эти Британии и Франции, а мне они не нужны. Силою вы можете отобрать у меня всё, что хотите, и убить меня, но сам я не хочу и не буду участвовать в своем порабощении». Казалось бы, естественно поступить так, но никто не говорит этого и никто так не поступает.

Вера в то, что принадлежность к какому-нибудь государству есть необходимое условие жизни человеческой, так сильно укоренилась, что люди не могут решиться поступить так, как велит им их разум, их чувство добра, их прямая польза.

Люди, поддерживая свое рабство ради веры в государство, совершенно подобны тем птицам, которые, несмотря на то что дверь клетки открыта, продолжают сидеть в неволе отчасти по привычке, отчасти не понимая того, что они свободны.

Заблуждение это особенно странно в людях, удовлетворяющих сами своим потребностям, как земледельческие населения Германии, Австрии, Индии, Канады и др. и в особенности России. Людям этим нет никакой ни нужды, ни выгоды в том рабстве, которому они добровольно подчиняются.

Еще понятно, что городские люди не поступают так, потому что интересы их так переплетены с интересами правящих классов больших государств, что то порабощение, в котором они находятся, выгодно для них. Рокфеллер не может желать отказаться от повиновения законам страны, потому что законы этой страны дают ему возможность наживать и сохранять свои миллиарды в ущерб интересам массы народа; не могут желать отказаться и директора предприятий Рокфеллера, и служащие у этих директоров, и служащие у этих служащих. Так это для городских жителей. Это прежние дворовые по отношению крестьян: порабощение их полезно им. Но для чего покоряться этой ненужной им власти земледельческим народам, большинству русского народа?

Живет семья в Тульской губернии, в Познани, в Канзасе, в Нормандии, в Ирландии, в Канаде. Людям этим нет никакого дела до русского государства с Петербургом, Кавказом, Остзейским краем, с его манчжурскими захватами и дипломатическими хитростями. Точно так же и семье, живущей в Познани, – до Пруссии с Берлином и африканскими колониями; и ирландцу – до Британии с Лондоном и ее египетскими, бурскими и другими делами; и канзасцу – до Соединенных Штатов с своим Нью-Йорком и Филиппинами. А между тем эти семьи должны отдавать определенную часть своих трудов, должны участвовать в приготовлениях к войне и в самой войне, затеваемой тоже не ими, а кем-то, должны повиноваться установленным не ими, а кем-то законам. Правда, что их уверяют, что, повинаясь во всех этих, имеющих самую большую важность для их жизни, делах неизвестным им людям, они, вследствие того, что выбрали одного из тысячи неизвестных им представителей, повинуются не другим людям, но сами себе. Но ведь верить этому может только тот, кому хочется и нужно обмануть себя и других.

Принадлежа к государству, человек не может быть свободен. И чем больше государство, тем больше нужно насилия и тем меньше возможна истинная свобода. Для составления одного целого из самых разнообразных народностей и людей, каковы Британия, Россия, Австрия, и удержания их в этом соединении, нужно очень большое насилие. Хотя и меньше насилия нужно для удержания соединений людей в малых государствах, как Швеция, Португалия, Швейцария, но зато в этих

малых государствах труднее гражданам уклониться от требований власти, и сумма несвободы, насилия та же, как и в больших государствах.

Как для того, чтобы связать и держать вместе вязанку дров, нужна крепкая веревка и известная степень натянутости ее, так и для того, чтобы держать вместе в одном государстве большое соединение людей, нужна известная степень насилия и приложения его. Разница для дров может быть только в размещении их, в том, что не те, а другие дрова будут непосредственно сжаты веревкой, но сила, удерживающая их вместе, будет, при каком бы то ни было размещении дров, одна и та же. То же и с насильническим государством, какое бы оно ни было: деспотия, конституционная монархия, олигархия, республика. Если соединение людей держится насилием, то есть тем, что устанавливаемые одними людьми законы насилием приводятся другими в исполнение, то всегда будет одинаковое по степени силы насилие одних людей над другими. В одном месте оно будет проявляться грубым насилием, в другом денежной властью. Разница будет только в том, что при одном насильническом государственном устройстве насилие будет давить больше одних людей, при другом устройстве – более других.

Государственное насилие можно сравнить с черной ниткой, на которой свободно нанизаны бусы. Бусы – это люди. Черная нитка – это государство. До тех пор, пока бусы будут на нитке, они не будут иметь возможности свободно перемещаться. Можно сдвинуть их всех в одну сторону, и на этой стороне не будет видна между ними черная нитка, но зато на другой стороне большая часть нитки будет голая (деспотизм). Можно местами равномерно сдвинуть бусы, оставив между ними соответственные промежутки черной нитки (конституционная монархия). Можно между каждой бусой оставить небольшую часть нитки (республика). Но пока не будут бусы сняты с нитки, пока не будет разорвана нитка, не будет возможности скрыть черную нитку.

Пока будет государство и нужное для его поддержания насилие, в какой бы ни было форме, не будет, не может быть свободы, настоящей свободы, того, что всегда все люди понимали и понимают под этим словом.

«Но как же будут жить люди без государства?» обыкновенно спрашивают люди, так привыкшие к тому, что каждый человек, кроме того, что он сын своих родителей, внук своих дедов и предков, живущий избранным им трудом, и, главное, кроме того, что он человек, еще и француз, или британец, германец, янки, русский, т. е. принадлежит к тому или иному насильническому учреждению, которое называется Францией с своим Алжиром, Аннамом, Ниццей и т. п., или к Британии с ее чуждыми ей населенными Индия, Египта, Австралии и Канады, или к Австрии с ее ничем внутренне не связанными народами, или к такому разноплеменному и огромному государству, как Соединенные Штаты или Россия. Люди так привыкли к этому, что им кажется, что жить, не принадлежа к этим не имеющим никакого внутреннего смысла соединениям, так же невозможно, как казалось людям невозможным тысячи лет тому назад жить без принесения жертв богам и без прорицателей, решающих поступки людей.

Как будут жить люди, не принадлежа ни к какому правительству?

Да совершенно так же, как они живут теперь, только не делая тех глупостей и гадостей, которые делают теперь ради этого ужасного суеверия. Будут жить так же, как теперь, не отнимая от своей семьи произведений своих трудов для того чтобы в виде податей и пошлин отдавать их на дурные дела неизвестным им людям, и не участвуя ни в насилии, ни в судах, ни в войнах, устраиваемых этими людьми.

Да, только это, не имеющее в наше время никакого смысла суеверие дает ту безумную, ничем не оправдываемую власть сотням людей над миллионами и лишает истинной свободы эти миллионы. Не может человек, живущий в Канаде, в Канзасе, в Богемии, в Малороссии, в Нормандии, быть свободен, пока он считает себя, и часто гордится этим, британским, североамериканским, австрийским, русским, французским гражданином. Не может и правительство, призвание которого состоит в том, чтобы соблюдать единство такого невозможного и бессмысленного соединения, как Россия, Британия, Германия, Франция, дать своим гражданам действительную свободу, а не подобие ее, как это делается при всяких хитроумных конституциях, монархических, республиканских или демократических. Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы – суеверие государства. Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства. Но при принадлежности людей к государству не может быть свободы.

Люди, участвующие теперь в русской революции, не понимают этого. Люди эти добиваются разных свобод для граждан русского государства, воображая себе, что в этом состоит цель совершающейся революции. Но цель и последний результат совершающейся революции гораздо дальше той, которую видят революционеры. Цель эта – освобождение от государственного насилия. И к этому великому перевороту ведет та сложная работа ошибок, злодеяний, совершающихся теперь на загнившей поверхности огромного русского народа, среди малой части его городских сословий, так называемой интеллигенции и фабричных рабочих. Вся эта сложная и большею частью исходящая из самых низких мотивов мести, злобы, честолюбия деятельность имеет для большого русского народа только одно значение: она должна показать народу, чего он не должен делать, и что он может и что должен сделать; должна показать всю тщету замены одной государственной формы насилия и злодеяний другой формой государственного насилия и злодеяний и разрушить в его сознании суеверие и наводнение государственности.

Русский народ, огромное большинство его, глядя на совершающиеся события, на все те новые формы насилия, проявляющиеся в жестокой революционной деятельности: погромы, разорения, стачки, лишаящие целые населения пропитания, и, главное, братоубийства, – начинает понимать, что дурно не только то прежнее государственное насилие, под которым он жил и от которого уже много пострадал, но и то новое государственное же насилие, которое проявляется теперь такими же, но только новыми обманами и злодействами, и что ни то, ни другое ни хуже, ни лучше, а оба худы, и надо избавиться от всякого государственного насилия и что это очень легко и возможно.

Народ, в особенности земледельческий русский народ, огромное большинство его, тот, который жил и живет, решая все свои

общественные дела мирским сходом, не нуждаясь в правительстве, глядя на совершающиеся события, должен будет понять, что ему не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи. Народу не нужны никакие отдельные свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода.

И, как всегда бывает, решение кажущихся трудными вопросов бывает самое простое; так и теперь, для достижения не тех или иных свобод, а этой одной, настоящей, полной свободы, нужна не борьба с правительственной властью, не придумывание таких или иных способов представительства, могущих только скрыть от людей их состояние рабства, а только одно: неповиновение людям.

Пусть только народ перестанет повиноваться правительству, и не будет ни податей, ни отнятий земли, ни всяких стеснений от властей, ни солдатства, ни войн. Это так просто и так кажется легко. Отчего же люди не делали этого до сих пор и теперь еще не делают этого?

А оттого, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной жизнью.

Только в той мере, в которой люди живут такую жизнь, то есть повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться.

Нельзя сказать себе: «дай я не буду повиноваться людям». Не повиноваться людям можно только тогда, когда повинуешься высшему, общему для всех закону Бога. Нельзя быть свободным, нарушая высший, общий закон взаимного служения, как нарушают его всей своей жизнью люди богатых, городских классов, живущие трудами рабочего, особенно земледельческого народа. Свободен может быть человек только в той мере, в какой он исполняет высший закон. Исполнение же этого закона не только трудно, но почти невозможно при городском, фабричном устройстве общества. Оно возможно и легко только при земледельческой жизни.

И потому освобождение людей от повиновения правительствам и от признания искусственных соединений государств, отечества должно привести их к естественной, радостной и наиболее нравственной жизни земледельческих общин, подчиняющихся только своим, доступным всем, основанным не на насилии, а на взаимном согласии установлениям.

В этом сущность предстоящего христианским народам великого переворота.

Как произойдет этот переворот, какие перейдет ступени, нам не дано знать, но мы знаем, что он неизбежен, потому что он совершается и отчасти уже совершился в сознании людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Жизнь людей только в том и состоит, что время дальше и дальше открывает скрытое и показывает верность или неверность пути, по которому они шли в прошедшем. Жизнь есть уясняющееся сознание ложности прежних основ и установление новых и следование им. Жизнь человечества, так же как отдельного человека, есть вырастание из прежнего состояния в новое. Вырастание же это неизбежно сопровождается сознанием своих ошибок и освобождением от них.

Но бывают времена, когда в жизни как отдельного человека, так и всего человечества, сразу открывается ясно та ошибка, которая сделана была в направлении прошедшего, и выясняется та деятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это времена революций. И в таком положении находятся теперь христианские народы.

Человечество жило по закону насилия и не знало никакого другого. Пришло время, и передовые люди человечества провозгласили новый, общий всему человечеству закон взаимного служения. Люди приняли этот закон, но не во всем его значении, и, хотя и старались применить его, продолжали жить по закону насилия. Явилось христианство, которое подтвердило людям истину о том, что есть только один закон, общий всем людям, дающий им наибольшее благо, – закон взаимного служения, и указало на причину, по которой закон этот не был осуществлен в жизни. Он не был осуществлен потому, что люди считали необходимым и благотворным употребление насилия для благих целей и считали справедливым закон возмездия. Христианство показало, что насилие всегда губительно, и возмездие не может быть применяемо людьми. Но христианское человечество, не приняв этого разъяснения общего всем людям закона взаимного служения, хотя и желало жить по этому закону, невольно продолжало жить по языческому закону насилия. Такая противоречивая жизнь всё увеличивала и увеличивала преступность жизни и внешние удобства и роскошь меньшинства, увеличивала и рабство и бедствия большинства в христианских народах.

В последнее время преступность и роскошь жизни одной части и бедствия и рабство другой части людей христианского мира дошли до высшей степени, особенно среди народов, давно уже оставивших естественную жизнь земледелия и подпавших обману мнимого самоуправления. Народы эти, страдая от бедственности своего положения и от сознания противоречия, в котором они находятся, ищут спасения везде: в империализме, милитаризме, социализме, захватах чужих земель, во всякого рода борьбе, в тарифах, технических усовершенствованиях, в разврате, во всем, только не в том одном, что может спасти их, – освобождение себя от суеверия государства, отечества и прекращение повиновения государственной насильнической власти, какая бы она ни была.

Вследствие своей земледельческой жизни, вследствие отсутствия обмана самоуправления, вследствие своей многочисленности и, главное, вследствие удержавшегося в нем христианского отношения к насилию русский народ, после жестокой, ненужной и несчастной войны, в которую он был вовлечен своим правительством, и после

неудовлетворения требований о возвращении ему отнятой у него земли, – русский народ прежде других народов почувствовал главные причины бедствий христианского человечества наших времен, и потому именно среди него начнется тот великий переворот, который предстоит всему человечеству и который один может спасти его от его ненужных страданий.

В этом значение начинающейся теперь в России революции. Революция эта не началась еще среди народов Европы и Америки, но причины, вызвавшие революцию в России, те же для всего христианского мира; та же японская война, показавшая всему миру неизбежное в военном деле преимущество языческих народов перед христианскими, те же дошедшие до последней степени напряжения вооружения больших государств, не могущие никогда кончиться, и то же бедственное положение и всеобщее недовольство рабочего народа вследствие отнятого у него его естественного права на землю.

Большинство русских людей ясно видят, что причина всех претерпеваемых ими бедствий – повиновение власти и что русским людям предстоит одно из двух: или перестать быть разумными, свободными существами или перестать повиноваться правительству.

И то же самое, если и не видят теперь из-за суеты своей жизни и обмана самоуправления, то очень скоро увидят народы Европы и Америки. Участие в насилии правительств больших государств, которое они называют свободой, привело и ведет их к всё большему рабству и к бедствиям, вытекающим из этого рабства. Увеличивающиеся же бедствия неизбежно приведут их к единственному средству избавления от них: прекращению повиновения правительствам и, вследствие прекращения повиновения правительствам, уничтожению государственных насильнических соединений.

Для того чтобы совершился этот великий переворот, нужно только, чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция, а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы – освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям.

В этом изменении отношения людей к государству и власти – конец старого и начало нового века.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕКСТА «КОНЦА ВЕКА».

Варианты текста первого издания «Свободного слова» по сравнению с текстом второго издания.

[2]

В VI главе вместо: греховности повиновения правительству – в 1-м издании – греховности правительства (в настоящем издании, стр. 249, строки 22–23 – незаконности требований правительства); вместо: в сознательных отказах запасных от вступления в войска, в таких же сознательных отказах стрелять и драться, стр. 249, строки 25–27, – в отказах запасных от поступления в войска, в побегах из армии, в отказах стрелять и драться. Начало предпоследнего абзаца от слов: Таковы сознательные проявления, кончая: Престиж власти разрушен и, стр. 249, строки 31–37, – в 1-м издании отсутствует. В том же абзаце вместо: следует ли повиноваться правительству, стр. 249, строки 39–40, – следует ли перед Богом, перед своей совестью повиноваться правительству, требующему дел противных христианскому закону?

В 1-м издании «Свободного слова» глава XII озаглавлена: Заключение. Она начинается словами:

Жизнь человечества есть всё большее и большее уяснение сознания, оставление прежних ложных основ жизни и установление новых и следование им.

Дальнейший текст соответствует тексту «Заключения» во 2-м издании «Свободного слова» от слов: Жизнь человечества, так же, как отдельного человека, стр. 275, строка 21, кончая: и подпавших обману мнимого самоуправления, стр. 276, строка 18, со следующим разночтением: вместо: особенно среди народов, стр. 276, строка 16, – что особенно заметно среди народов.

Дальше в 1-м издании идет текст, начинающийся словами: Вследствие своей земледельческой жизни... Он соответствует тексту «Заключения» 2-го издания от слов: Вследствие своей земледельческой жизни, стр. 276, строка 27, кончая: естественного права на землю, стр. 277, строка 8, со следующим разночтением: вместо: степени напряжения вооружения больших государств, стр. 277, строка 5, – степени напряжения вооружения.

Следующий абзац: Большинство русских людей... – соответствует 1-му, 8-му и части 9-го абзаца «Заключения:» во 2-м издании, кончая: а жизнь и истинная свобода есть реальность, со следующими разночтениями: вместо: или перестать быть, стр. 277, строка 11, – или отказаться быть; вместо: Участие в насилии правительств больших

государств, стр. 277, строки 16–17, – Участие в насилии правительств; вместо: чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция, а жизнь и истинная свобода есть реальность, стр. 277, строки 25–26, – чтобы люди поняли, что они свободны, имеют право и должны быть свободны.

Дальше идет текст, начинающийся словами: Ведь стоит только на минуту... Он соответствует тексту напечатанной во 2-м издании XII главы – «Свободы и свобода», начиная со слов Ведь стоит только, стр. 268, строка 6, кончая: так не поступает, стр. 269, строка 40, со следующими разночтениями: вместо: установленных привычек и суеверий, стр. 268, строки 6–7, – установленных обычаев, привычек, суеверий; вместо: всякого человека, живущего в государстве, стр. 268, строки 7–8, – всякого человека христианского мира; вместо: Британии, Франции, Германии, России, стр. 269, строка 26, – Британии, Франции, Германии; вместо: Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью, стр. 269, строки 32–33, – Я хочу прожить наилучшим образом свою жизнь, хочу сам решать, что мне приятно, полезно и должно делать; вместо: но никто не говорит этого и никто так не поступает, стр. 269, строки 39–40, – но никто так не поступает.

Следующий абзац: Одни городские люди... соответствует 11-му абзацу XII главы «Свободы и свобода» во 2-м издании, начиная со слов: Еще понятно, что городские люди, стр. 270, строка 14, кончая: порабощение их полезно им, стр. 270, строка 24, со следующими разночтениями: вместо: Еще понятно, что городские люди – Одни, городские люди; вместо: Рокфеллер, стр. 270, строка 17, – Г. Рокфеллер; вместо: Это прежние дворовые по отношению крестьян, стр. 270, строка 23, – Это прежние дворовые, в выгодных должностях при своих господах, по отношению крестьян.

Следующий абзац: Но заблуждение это особенно странно в людях... соответствует 10-му абзацу XII главы во 2-м издании, со следующими разночтениями: вместо: Заблуждение это, стр. 270, строка 9, – Но заблуждение это; вместо: Индии, Канады, стр. 270, строка 10, – Индии, Китая.

Следующий абзац: Люди эти, поддерживая свое рабство... соответствует 9-му абзацу той же главы во 2-м издании, со следующим разночтением: вместо: Люди, поддерживая свое рабство ради веры в государство, совершенно подобны, стр. 270, строки 5–6, – Люди эти, поддерживая свое рабство, совершенно подобны.

Далее следует текст, не находящий себе соответствия во 2-м издании:

В таком положении находится в особенности русский народ, огромное большинство русского народа. Для того чтобы избавиться от всех тех увеличивающихся и увеличивающихся бедствий и войн и голода, от которых он страдает и которым не видно конца, русским людям, огромному большинству их, всем крестьянам, не надо ничего особенного предпринимать, а просто выйти в отворенную дверь клетки, то есть перестать думать о какой-то существующей только в воображении людей России и ее величии и единстве, а жить, добывая из земли свое

пропитание, своей естественной, от Бога установленной, доброй, разумной жизнью, не повинуюсь никому, кроме своей совести. И русские люди начинают понимать это. Поняв же это, они это и сделают, и то же самое должны сделать и те народы, большинство которых оставило земледельческую жизнь. Людям этим трудно будет перестать повиноваться правительствам, но как ни трудно это будет, они неизбежно будут приведены к этому бедствиями, которые неизбежно будут всё усиливаться и усиливаться до тех пор, пока будут эти люди повиноваться правительствам. Пока будут люди повиноваться правительствам, будут искусственные соединения единых Франций, Британий, Соединенных Штатов. А будут эти соединения, будет милитаризм, будут войны, подати, будут монополии, тресты, и, несмотря на всевозможные изменения в правлении (социалистическая программа в том числе), будет всё больше и больше усиливаться рабство рабочего народа.

Ведь есть только одно основное, внешнее зло, от которого страдают люди. Зло это – разъединение их: то, что есть господа и рабы. В Индии это называется шатрии и парии, в христианском мире, хотя оно никак не называется, есть то же самое. Есть люди обеспеченные, роскошествующие, праздные, правительственными или денежными средствами управляющие другими, и есть люди, большинство, не обеспеченные, над которыми всегда висит нужда, голод, забытые, вечно тяжело трудящиеся и подчиняющиеся или власти или богатству. Зло это чувствуют все. И потому ясно, что если люди хотят улучшить положение людей, то исправить нужно это зло, уничтожив это внешнее разделение людей. Прежние революции думали развязать этот узел насилием, но тщета этого средства уже давно обличалась: никакие изменения политического, экономического строя не могут уничтожить неравенства.

Исправить зло может только свобода, но не мнимая свобода, состоящая в мнимом участии в правлении, а истинная, простая свобода, состоящая в том, что человек не повинуется другому человеку или собранию людей.

Правда, что не всякий человек может не повиноваться людям.

Вслед за этим до конца статьи идет текст, начинающийся словами: Нельзя сказать себе... Он соответствует четырем последним абзацам главы XII во 2-м издании, со следующими разночтениями: вместо: Не повиноваться людям можно только тогда, стр. 274, строки 34–35, – Не повиноваться людям только можно тогда; вместо: подчиняющихся только своим, доступным всем, основанным не на насилии, а на взаимном согласии установлениям, стр. 275, строки 8–10, – подчиняющихся не законам, основанным на насилии и угрозах, а на высшем, признаваемом всеми, религиозном христианском законе взаимного служения, основанном на любви к Богу и ближнему и исключаящем всякое насилие.

Варианты текста второго издания «Свободного слова» по сравнению с текстом настоящего издания (и текстом исправленной Толстым корректуры издательства «Посредник»).

[3]

Стр. 232, строки 27–28.

в отсутствии в руководящих сферах какой бы то ни было религии,
в отсутствии в имеющих наибольшее влияние на других какой бы то ни
было религии,

Стр. 233, строки 9–10.

русского государственного устройства
русского правительства

Стр. 233, строки 10–11.

русского государства,
русского правительства,

Стр. 233, строка 16.

началось давно.

началось уже давно.

Стр. 233, строка 19.

Государство,

Такое учреждение, как государство,

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 233, строки 22, 23, 24, 25.

государство,

учреждение,

Стр. 233, строки 28–29.

законов, религию,

законов, принимает религию,

Стр. 233, строки 30–31.

предписывающую любовь к врагам, возвеличивающую

предписывающую любовь к врагам, религию, возвеличивающую

Стр. 233, строка 33.

принимает эту христианскую религию, но не в ее истинном смысле, а в том извращенном виде, при котором продолжает быть возможным языческое устройство жизни.

принимает эту христианскую религию.

Стр. 234, строки 17–18.

удерживало живую воду,
удерживало его живую воду,

Стр. 234, строка 35.

на воде
на море

Стр. 235, строка 8.

вводился
вводился и поддерживался

Стр. 235, строки 13–14.

рабское подчинение.
рабское подчинение деспотизму.

Стр. 236, строки 6–8.

превосходство в военном деле нехристианских народов над
христианскими, при равных средствах военной техники, с полной
очевидностью проявилось

превосходство в военном деле нехристианских народов над
христианскими с полной очевидностью проявилось

Стр. 236, строки 21–22.

когда ему это понадобилось

когда ему понадобилось

Стр. 236, строки 24–25.

сумел применить

сумел практически применить

Стр. 236, строки 38–39.

усвоил всё то, что давало военное преимущество христианским народам,
и, став сильнее их, поняв ту простую истину,

усвоил ту простую истину

Стр. 237, строка 2.

эту технику

ту технику

Стр. 237, строка 18.

придавленные

подавленные

Стр. 237, строки 26–28.

христианские народы делали не только дурное, безнравственное дело,
но дело противное тому христианскому духу, который живет в них,
такое дело,

христианские народы делали дело не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое дело, такое,

Стр. 238, строки 11–12.

жизней

жизней миллионов людей

Стр. 238, строки 14–15.

в которой они постоянно находятся,

в которой постоянно находятся эти народы,

Стр. 238, строки 22–23.

потеряны произведения трудов народа,

потеряны миллиарды денег, произведения трудов народа,

Стр. 238, строка 24.

И хуже всего то, что виновники

И виновники

Стр. 239, строки 8–9.

Ближайшим же средством осуществления равенства

Средством же осуществления равенства

Стр. 239, строки 9–10.

представлялось отнятие

представлялось тогда отнятие

Стр. 239, строки 10–11.

деятели той революции осуществляли

деятели той революции старались осуществить

Стр. 239, строки 17–18.

бессмысленных и жестоких смертоубийствах,

бессмысленных и смертоубийственных войнах,

Стр. 239, строки 21–22.

противоречие особенно

противоречие теперь особенно

Стр. 239, строки 23–24.

народ вовлечен

народ был вовлечен

Стр. 239, строка 40.

составляющая главную цель

составляющая цель

Стр. 240, строки 1–2.

не может быть достигнута насилем

не может быть достигнута насилем. Казалось бы, что это должно бы быть очевидно.

Стр. 240, строки 3–7.

А между тем теперь люди, производящие революцию в России, думают, что, проделав всё то, что происходило в европейских революциях, с торжественными похоронными шествиями, разрушениями тюрем, блестящими речами «*allez dire à votre maître*»,

[4] учредительным собранием и т. п., они, свергнув существующее правительство и учредив новую конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут той цели, совершающейся революцией.

А между тем люди, производящие теперь революцию в России, думают, что, насилем свергнув существующее правительство и насилем же учредив новое – конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут цели совершающейся революции – свободы.

Стр. 240, строка 21.

не замены

не учредительное собрание и замена

Стр. 240, строки 26–27.

или приобретении государством

или присвоении государством

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 240, строки 31–33.

Не мнимая, а действительная свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не каким бы то ни было новым, вводимым насильем учреждением, а только прекращением повиновения каким бы то ни было человеческим властям.

Действительная же свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не какими бы то ни было новыми насильническими учреждениями, а только прекращением повиновения людям.

Стр. 241, строки 20–21.

необходимостью угрозы возмездия.

необходимостью возмездия.

Стр. 241, строка 21.

без угрозы и возмездия

без возмездия

Стр. 241, строка 24.

законы, то есть насилия,

законы насилия,

Стр. 241, строка 25.

Но повелевающие неизбежно развращались

И повелевающие развращались

Стр. 241, строка 37.

разъяснив незаконность,

разъяснив неразумность,

Стр. 241, строка 40.

Христианское учение показало не только несправедливость, но
зловредность возмездия, показало, что

Христианское учение показало, что

Стр. 242, строки 21–22.

о справедливости возмездия, как

о справедливости возмездия и о необходимости угрозы, как

Стр. 243, строки 19–20.

Учение показывало,

Христианское учение показывало

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 243, строка 27.

Учение это

Учение христианское

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 243, строки 29–30.

закона, для которого

закона взаимного служения, для которого

Стр. 243, строка 30.

Учение показывало,

Учение это показывало,

Стр. 243, строки 32–33.

есть только покорное

есть только одно: покорное

Стр. 244, строка 12.

были гонимы

они были гонимы

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 244, строки 27–28.

подчинялись и тем, которые совершались

подчинялись и тем насилиям, которые совершались

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 245, строка 16.

никогда не может

никак не может

Стр. 246, строки 12–13.

всё большего и большего порабощения

всё большего и большего стремления к порабощению

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 247, строка 1.

в обличившемся

в особенно обличившемся

(поправка И. И Горбунова).

Стр. 247, строки 23–24.

нести всякие телесные бедствия,

нести телесные бедствия,

Стр. 247, строка 24.

чем нести духовную ответственность

чем духовную ответственность

Стр. 247, строка 27.

как тому хотят научить

чему хотят научить

Стр. 248, строки 1–2.

часто даже не русским самодержцам, начиная от Иоанна IV до Николая II.

часто даже не русским самодержцам.

Стр. 248, строки 24–25.

православно–государственным учением, – христианский дух

православно–государственным учением, требующим повиновения,
христианский дух

Стр. 248, строки 26–27.

продолжает жить в русском народе в огромном большинстве его.

продолжает жить в огромном большинстве русского рабочего народа.

Стр. 248, строки 31–33.

наиболее чуткими христианами между не принадлежавшими к извращенному учению православия, так называемыми сектантами.

наиболее чуткими христианами, не принадлежавшими к извращенному учению православия, между так называемыми сектантами.

Стр. 248, строки 33–34.

Эти разных наименований христиане не признавали

Эти разных наименований христиане, все одинаково, не признавали

Стр. 249, строки 22–23.

незаконности, греховности повиновения правительству.

незаконности требований правительства.

Стр. 250, строки 35–38.

Как ни жесток мог быть хозяин личного раба, он, в виду своей выгоды, не заставлял раба, чтобы не лишиться его, не переставая работать

Как ни жесток мог быть хозяин личного раба, он, в виду своей выгоды, чтобы не лишиться раба, не заставлял его не переставая работать,

(поправка И. И Горбунова).

Стр. 251, строка 1.

раб всегда должен

раб часто должен

Стр. 251, строки 5–6.

корыстных людей. И в этом еще

корыстных людей, во власти которых он находится. И в этом еще

Стр. 251, строка 23.

есть обман, только на время скрывающий

только обман, на время скрывающий

Стр. 251, строка 35.

и народу не видна была

и народу не чувствительна была

Стр. 252, строки 2–3.

и народ всё яснее и яснее видал, что так жить нельзя.

и народ всё живее и живее чувствовал тяжесть своего положения.

Стр. 252, строка 9.

положение его

положение народа

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 252, строка 13.

удерживая за ними,

удержив. и ее за ними,

Стр. 252, строки 18–19.

только не в отнятии

только не в том, в чем они действительно заключаются, — в отнятии

Стр. 252, строки 30–31.

Русским же людям явно видна основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними.

Русским же людям эта основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними, ясно видна.

Стр. 252, строки 35–36.

таковы, по моему мнению, причины

таковы, по моему мнению, две ближайшие внешние причины

Стр. 253, строка 9.

от насилия власти

от насилия этой власти

Стр. 253, строки 24–25.

пользуясь всеми благами общественного устройства, свободные от государственного насилия, не испытывают

пользуясь всеми благами общественного устройства, не испытывают

Стр. 253, строка 31.

выгодно то государственное устройство.

выгодно государственное устройство.

Стр. 253, строка 33.

они чувствуют

и они скажут, что чувствуют

Стр. 253, строка 37.

пугают людей, – тем,

пугают людей, а именно тем,

Стр. 254, строка 19.

Меттернихи и Тайлераны, Николай – хуже общего уровня,

Меттернихи и Тайлераны – хуже общего уровня,

Стр. 254, строка 21.

Во всяком обществе людей

Я старался показать, что во всяком обществе людей

Стр. 254, строка 24.

и в обществе

и что в обществе

Стр. 254, строки 25–26.

сдерживаемые в своих поступках отчасти борьбой с оскорбленными ими людьми

сдерживаемые в своих поступках отчасти борьбой с ними оскорбленных ими людей

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 254, строка 33.

вызванным общественным мнением.

вызванным ими общественным мнением.

Стр. 255, строки 24, 25, 26, 27.

Италией, Францией, Китаем, Россией,

Италия, Франция, Китай, Россия,

Стр. 255, строки 37–38.

делать дела,

делать по требованию власти дела,

Стр. 256, строка 3.

повиноваться властям

повиноваться власти

Стр. 256, строки 5–6.

Соединенных Штатов,

Соединенных Штатов, Австрий,

Стр. 156, строки 30–31.

Суеверие же государства,

Суеверие же государства, отечества,

Стр. 257, строки 9–19.

И потому, если уничтожатся искусственные соединения в большие государства вследствие того, что люди покорно, без борьбы, подчиняясь всякому насилию, перестанут повиноваться правительству, то такое уничтожение сделает только то, что среди таких людей будет меньше насилия,

И потому уничтожение искусственных соединений больших государств вследствие того, что люди покорно, без борьбы, подчиняясь всякому насилию, перестанут повиноваться правительству, не представляет ничего страшного, и если и когда совершится, сделает только то, что среди таких людей, не признающих своей принадлежности к государству, будет меньше насилия,

Стр. 257, строка 21.

уже 2500 лет

уже столько веков

Стр. 257, строки 18–19.

входит в сознание человечества.

входит в сознание человечества.

Вообще же всему русскому народу, как городскому, так и сельскому населению, надо, главное, в такое важное, решительное время, как теперешнее, не жить чужим опытом, чужими мыслями, понятиями, словами, разными социал-демократиями, конституциями, экспроприациями, бюро, делегатами, кандидатурой, мандатами и т. д.; а думать своим умом, жить своей жизнью, выработывая из своего прошедшего, из своих духовных основ свойственные этому прошедшему и этим основам свои новые формы жизни.

(В корректуре издательства «Посредник» абзац: Вообще же всему русскому народу... отсутствует).

Стр. 258, строка 9.

место теперешней революции

местом теперешней революции

Стр. 258, строка 23.

останавливает его ход

останавливает ход имеющегося совершиться переворота,

Стр. 258, строка 36.

путь, на котором он стоит, пойдет

путь, на котором он стоит теперь, пойдет

Стр. 259, строка 8.

от забот

от заботы

Стр. 259, строка 13.

в которые могут втянуть

в которые хотят втянуть

Стр. 259, строка 17.

и без борьбы переносить, то есть подчиняться
и без борьбы подчиняться

Стр. 259, строка 24.

от насилия
от насилий

Стр. 259, строка 34.

прекратить
может прекратить

Стр. 258, строка 40.

техникам и проч.,
техникам, фабричным рабочим,

Стр. 260, строки 23–24.

дать им истинное благо, когда у людей есть идеалы новой, лучшей жизни.

У людей же
дать им истинное благо. У людей же

Стр. 260, строки 25–26.

нет ни каких–либо новых основ, ни каких–либо новых идеалов.

нет никаких новых основ:

Стр. 260, строка 27. переменить одну старую форму насилия на другую,
переменить одну старую форму насилия на новую,

Стр. 260, строки 32–33.

выставляет своим идеалом

выставляет новой основой жизни

Стр. 260, строка 37.

нет никаких новых идеалов.

нет никаких новых основ жизни.

Стр. 260, строки 39–40.

неповиновением человеческой власти.

неповиновением человеческой власти.

Ради того, чтобы освободиться от всех зол, удручающих теперь рабочих людей, им нужно, без борьбы, без насилия, перестать повиноваться власти. И это же самое – покорное перенесение насилия и неповиновение власти – нужно и для исполнения того закона, который исповедуют христианские народы. Христианин, как христианин, не может повиноваться, а повинясь – невольно участвовать в той власти, которая вся основана на насилии, держится насилием и не переставая совершает самые противные христианскому закону насилия: солдатство, войны, тюрьмы, казни, лишение народа возможности пользоваться землею. Так что как телесное благо людей, так и высшее, духовное, достигается только одним: перенесением без борьбы всякого насилия,

но – неучастием в нем, неповиновением власти.

(В корректуре издательства «Посредник» абзац: Ради того чтобы освободиться... перечеркнут крест-на-крест, и сбоку рукой Толстого написано: ad libitum, т. е. то желанию».)

Стр. 261, строка 3,

это – оставить

это то, чтобы оставить

Стр. 261, строки 6–14.

постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к пользованию властью и, главное, трудолюбию, не только не возбуждать людей, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать их от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти и служить людям своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства.

постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства, не только не возбуждать его, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать его от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти.

Стр. 261, строки 22–23.

переворот должен начаться и должен совершиться

переворот начинается и должен совершиться

Стр. 261, строки 25–26.

никогда не мешало общественному устройству земледельческих общин.

никогда не мешало правильной и мирной общественной жизни земледельческих общин.

Стр. 261, строки 34–35.

а основанное на взаимном согласии

а свободное, основанное на взаимном согласии

Стр. 261, строка 38 – стр. 262, строка 1.

Такие общины уходили в Турцию,

Такие общины уходили в среднюю Азию, в Турцию,

Стр. 261, строки 2–3.

спокойно жили и живут там под властью турецкого султана.

спокойно жили там поколениями под властью турецкого султана.

Стр. 261, строки 3–5.

Такие общины, сами того не зная, переходили в Китай, в среднюю Азию,

Такие общины переходили в Китай, не зная того, что занимаемая ими земля принадлежит Китаю,

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 261, строка 14.

только будет содействовать

только может содействовать

Стр. 261, строка 24.

и удовлетворяли его требованиям

и вполне удовлетворяют его требованиям

Стр. 261, строка 36.

что мешало его росту.

что мешает его росту.

Стр. 261, строка 38.

не те торопливые, дерзкие и самоуверенные люди,

не торопливые и самоуверенные люди,

Стр. 262, строка 9.

надо только продолжать жить,

надо, продолжая жить,

Стр. 262, строка 10.

но только не участвовать

не участвовать

Стр. 269, строка 21.

заставляло людей воевать

заставляло людей вооружаться и воевать

Стр. 263, строки 32–33.

земледельческая же жизнь приведет к самому

земледельческая же жизнь – к самому

Стр. 264, строка 26.

Нью-Йорка, больших городов,

Нью-Йорка и всех больших городов,

Стр. 265, строки 9–10.

которая кажется так драгоценна

которая кажется такой драгоценной

Стр. 266, строки 2–3.

достанутся когда-то их потомкам.

достанутся когда-то и их потомкам.

Стр. 266, строка 6.

как и на тех

как и тех

Стр. 266, строки 18–19.

увидите такие же 36–ти этажные дома,

увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36–ти этажные дома,

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 266, строка 19.

египетских пирамид.

Защитники цивилизации говорят: «мы готовы исправить дурное, но только чтобы всё то, что выработало человечество, оставалось нетронутым». Ведь то же самое говорит доктору погубивший дурною жизнью свое положение и здоровье развратник, который готов согласиться на всё то, что советует ему врач, но только с тем условием, чтобы ему продолжать так же развратно жить. Такому человеку мы говорим, что, для того чтобы ему улучшить свое положение, ему надо перестать жить, как он живет. То же самое пора сказать и понять христианскому человечеству.

египетских пирамид.

(Абзац: Защитники цивилизации говорят... в корректуре издательства «Посредник» зачеркнут.)

Стр. 266, строки 22–23.

признают за цель или результат и считают
признают за цель и считают

Стр. 266, строки 23–24.

будет благом только, когда
будет благом только тогда, когда

Стр. 266, строки 26–27.

но губительно для ядер, тюремных запоров.
но губительно в ядрах, тюремных запорах.

(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 266, строки 29–30.

но еще с большим успехом – развратные и ложные.
но еще с большим, как мы это видим, успехом – глупые, развратные и
ложные.

Стр. 266, строки 32–34.

В нашем же обществе, где меньшинство давит большинство, она –
великое зло. Она есть только лишнее орудие угнетения большинства
властвующим меньшинством.

В нашем же христианском мире, где большинство находится в рабском
угнетении у меньшинства, она есть только лишнее орудие угнетения.

Стр. 266, строка 39.

Пора понять, что спасение

Пора понять вам, что спасение

Стр. 267, строка 3.

то, что мы имеем,

то, что мы несем,

Стр. 267, строки 10–12.

необходимо выбрать одно из двух:

необходимо для того чтобы жить разумной жизнью выбрать одно из двух:

Стр. 267, строка 13.

цивилизация даст

цивилизация дает

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «КОНЕЦ ВЕКА».]

* № 1

Думаю, что ни такъ ярко проявившееся и угрожающее міру могущество Японіи, ни разгромъ Россіи, ни желтая опасность, ни тѣмъ менѣе внутреннее измѣненіе внутреннего устройства Россіи изъ деспотическаго, преобразующейся изъ самой деспотической страны, допустимъ, въ самую либерально-конституціонно, даже социалистически устроенную республику, думаю, что все это и всѣ тѣ измѣненія, которыя могутъ произойти во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, – пускай Россія сдѣлается федеральной республикой, пускай Японія станетъ завоевательной державой, присоединить къ себѣ Сибирь и отнять у Европейскихъ державъ всѣ Азіатскія колоніи, пускай образуется панафриканское государство и завоюетъ всѣ африканскія колоніи, пускай Соединенные Штаты отнимутъ Канаду у Англіи и завоюютъ южныя республики, – все это и всѣ тѣ измѣненія, которыя мы можемъ придумать въ предѣлахъ отношеній государствъ между собою, все это, я думаю, также ничтожно передъ тѣмъ, что совершается теперь, какъ ничтожно было во время большой французской революціи рѣшеніе вопроса о томъ, кому должно принадлежать право на какой-нибудь нѣмецкій Липпе-Детмольдъ.

* № 2.

Думаю же я, что это совершилось и совершается теперь, во первыхъ, потому, что среди большихъ массъ рабочаго народа нѣтъ никакой религіи какъ двигающей силы, есть только обычай. Извѣстные обряды, потерявшіе двигательную руководящую силу, въ высшихъ же, образованныхъ сферахъ христіанскаго міра всякая религія, какъ таковая, считается излишнею, отжившимъ остаткомъ прежняго времени, и въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ уже никакой духовной руководящей силы, кромѣ случайно всетаки носящихся неясныхъ христіанскихъ идеаловъ, [5] нѣтъ уже никакой духовной руководящей силы въ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, въ высшихъ же сферахъ образованныхъ людей ужъ начинается проявляться формулированіе чего-то вродѣ религіи грубаго эгоизма. Это отсутствіе религіи, того свойства человѣческой души, безъ котораго никогда не жило человѣчество, которое болѣзненно чувствуется всѣми людьми нашего времени, есть одинъ ихъ признаковъ конца одного и начала новаго вѣка. Другой признакъ есть то явное банкротство, къ которому пришла наша цивилизація съ своимъ научнымъ развитіемъ и техническими усовершенствованіями. Наука, такъ называемая позитивная (т. е. узкая, ограниченная), шла впередъ, все впередъ съ своими удивительными (большей частью забавными) открытіями и усовершенствованіями, и научные люди если и видѣли, что вопросы религіозные и нравственные оставались неразрѣшенные и жизнь

людей, большой массы людей, не изменилась ни материально, ни духовно, утѣшали себя и другихъ тѣмъ, что научный и умственный прогрессъ неизбежно приведетъ и къ нравственному и улучшить со временемъ жизнь людей, но время шло, и жизнь людей не улучшалась, и нравственное состояніе людей становилось хуже и хуже. И наконецъ христіанское человѣчество съ своими техническими изобрѣтеніями и научными открытіями пришло наконецъ къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, личности противъ личности, капиталовъ противъ капиталовъ, торговли противъ торговли, сословія противъ сословія, народа противъ народа, государства противъ государства, расы противъ расы, привело человѣчество къ такому тупику, изъ котораго очевидно для всякаго человѣка, свободнаго отъ увлеченія борьбы, что нѣтъ и не можетъ быть при продолженіи того же пути никакого выхода.

* № 3.

Главный признакъ всякой революціи есть движеніе, волненіе. безпокойство, недовольство своимъ положеніемъ и желаніе измененія его, охватывающее весь народъ, всѣ сословія. Таково теперь состояніе всего русскаго народа. Одни дѣйствуютъ, борются за удержаніе стараго, другіе стараются разрушить старое, установить новое, третьи, сами не зная, чего имъ нужно, рады случаю дать исходъ своей разрушительной энергіи, четвертые – преобладающее большинство – готовится и выжидаетъ.

Взрываютъ, рѣжутъ, убиваютъ, раскидываютъ прокламаціи революціонеры, разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, заточаютъ, ссылаютъ правительственные дѣятели, составляютъ проэекты, сѣзжаются и сходятся на сѣзды, подаютъ петиціи, печатаютъ статьи и придумываютъ всякаго рода программы будущаго государственнаго устройства такъ называемые интеллигенты.

Русскій рабочий же 100-милліонный народъ ничего не высказываетъ ни печатно, ни устно, не собирается на сѣзды и собранія, не дѣлаетъ никакихъ плановъ, проэектовъ, а работаетъ, пашетъ, сѣетъ, рубитъ, копаетъ, по своему молится и молчитъ, но чувствуетъ, сознаетъ и желаетъ и ждетъ одного и того же – свободы, истинной свободы, отсутствія насилія и начинаетъ понимать средства достиженія этого. И вотъ этотъ то народъ произведетъ ту революцію, которая подниметъ человѣчество на новую, высшую ступень сознанія, ту самую, которая вызвана была христіанствомъ и къ которой два тысячелѣтія величайшими страданіями и муками готовилось человѣчество.

Люди, такъ называемые образованные, пишущіе, печатающіе, читающіе, какъ въ Европѣ, такъ и Америкѣ, такъ и въ особенности въ Россіи, думаютъ, что совершающаяся въ Россіи революція будетъ заключаться въ

борьбахъ, въ стрѣльбахъ на улицахъ, въ баррикадахъ, захватахъ бастилій, въ собраніяхъ, въ jeu de rommes, въ конвентахъ, рѣчахъ, установленіи новаго правительства и т. п.

Даже нѣчто подобное уже и совершается по этой программѣ. Но все это смѣшная игра въ сравненіи съ той революціей, которая готовится и отчасти совершается.

Это похоже на сужденіе человѣка, знающаго, что лихорадка начинается ознобомъ, который при наступившемъ сильномъ холодѣ объяснялъ бы свой ознобъ лихорадкой и готовился бы излечиться отъ холода хининомъ.

[6] Мотивы, причины совершающейся въ Россіи революціи, цѣли ея, выраженіе ея, способъ дѣйствія совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые проявлялись до сихъ поръ въ большой французской революціи и въ революціи 30-го и 48 годовъ. Въ сущности оно и не можетъ быть иначе. Исторія не повторяется. И смѣшно думать, что революція 1905–6 годовъ среди совершенно особеннаго отъ германскихъ и романскихъ народа можетъ и имѣть тѣже цѣли, какъ революціи, бывшія 100 лѣтъ тому назадъ среди совершенно иного и духовнаго и матерьяльнаго склада народовъ.

Причины совершающейся въ Россіи революціи есть грубый деспотизмъ правительства, доведшій до нарушенія того самаго духовнаго блага народа, для котораго дана и терпима была народомъ власть правительства.

Для того чтобы ясно понять значеніе русской революціи, надо ясно понять основныя свойства большинства русскаго земледѣльческаго народа и особенности отношенія этого народа къ той власти, которую онъ предоставляетъ правительству.

* № 4.

Происходящая теперь въ Россіи революція не есть ни политическая, ни исключительно русская революція, а революція религіозно-жизненная, всемірная, гораздо болѣе всемірная, чѣмъ большая французская революція, внесшая новыя начала въ жизнь христіанскихъ народовъ и давшая имъ на много вѣковъ впередъ программу дѣятельности. Происходящая теперь въ Россіи революція дастъ человѣчеству еще гораздо болѣе широкую и далекую программу и захватитъ въ свое вліяніе еще гораздо большее количество народовъ.

Переворотъ, совершающійся теперь и получившій свое выраженіе въ русской революціи, есть очень простое, понятное и коротко и ясно опредѣляемое дѣло. Переворотъ этотъ есть переходъ отъ общенія людей посредствомъ насилія къ общенію посредствомъ взаимнаго согласія и убѣжденія. Переворотъ въ отрицаніи законности насилія.

* № 5.

Революція эта, я думаю, можетъ быть не исключительно русская революція, а революція всемірная, даже гораздо болѣе всемірная, чѣмъ большая французская революція, давшая на многа вѣковъ впередъ христіанскимъ народамъ программу дѣятельности. Та революція, которая можетъ теперь произойти въ Россіи, когда она состоится, должна захватить, какъ я думаю, въ свое вліяніе еще гораздо большее количество народовъ и поставить передъ міромъ еще гораздо болѣе широкія и далекія задачи, такъ какъ смыслъ этой предстоящей міру и могущей совершиться теперь въ Россіи революціи есть тотъ возможный переворотъ, къ которому 2000 лѣтъ готовилось человѣчество: замѣна насилія свободнымъ разумнымъ согласіемъ.

* № 6.

Думаю, что начинающаяся теперь въ Россіи революція будетъ, также какъ большая французская революція, не только русская революція, но революція всемірная, которая, также какъ большая французская революція, разрушитъ мѣшавшіе жить народамъ суевѣрія и идолы и поставитъ на долгое время передъ народами идеалы жизни, къ которымъ они могутъ съ довѣріемъ приближаться.

* № 7.

Народъ, то огромное большинство русскаго народа, которое превосходитъ въ сотни разъ городскія сословія, тотъ земледѣльческій народъ, на чьихъ рукахъ зиждется жизнь всѣхъ остальныхъ сословій, не дѣлаетъ демонстрацій, не собирается въ союзы, не бунтуетъ, а дѣлаетъ свое серьезное, необходимое для жизни дѣло: пашетъ, сѣетъ, копаетъ, рубитъ, строитъ, живетъ какъ будто по прежнему, но вмѣстѣ съ тѣмъ

начинаетъ ту великую революцію, которая должна сверху до основанія измѣнить весь существующій строй. Какъ набухшая рѣка, которая весной начинаетъ подымать заковывающій ее ледь, хотя еще не прошла, но уже не та, какой она была зимой, такъ и русскій земледѣльческій народъ, хотя еще не тронулся, но уже не тотъ, какимъ былъ два года назадъ, и изрѣдка поступками, не имѣющими ничего общаго съ революціонной дѣятельностью городскихъ сословій, проявляетъ уже свою могучую деятельность.

* № 8.

Стариннаго христіанскаго духа русскій человѣкъ всегда и предпочитаетъ и предпочтетъ подчиняться даже самому ничтожному, злему, несправедливому человѣку, чѣмъ самому участвовать во власти, предпочитаетъ перенести несправедливость, чѣмъ совершить ее. Съ христіанской точки зрѣнія оно и не можетъ быть иначе. Этимъ объясняются иныя необъяснимыя событія русской исторіи. Русскій человѣкъ готовъ былъ нести скорѣе всякія страданія, чѣмъ стать распорядителемъ дѣлъ зла, насилія, братоубійственной дѣятельности. Отъ этого то совершенно отличная въ русскихъ людяхъ отъ европейцевъ черта если не презрѣнія къ власти, то равнодушіе къ ней, нежеланіе участвовать въ ней. [7] Само собой разумѣется, что и въ русскихъ людяхъ были люди не христіанскаго духа, тщеславные, честолюбивые, которые увлекались просто властью, но это были исключенія; большинство истинно русскихъ людей, какъ прежде, такъ и теперь, предпочитаютъ лучше терпѣть все зло дурныхъ властителей, чѣмъ участвовать въ немъ. И взглядъ этотъ для всякаго христіанина не можетъ не быть справедливымъ. Можно не думать объ этомъ и отрицать христіанство, но для думающаго человѣка и признающаго себя христіаниномъ не можетъ не быть очевидно въ духовно-нравственномъ отношеніи преимущество всякаго русскаго отрицавшаго съ самаго начала жестокою безсмысленную Китайскую и Японскую войну и несущаго тяжесть послѣдствій войны, но не тяжесть укора совѣсти за участіе въ вызовѣ этой войны, передъ Англичаниномъ или Американцемъ, неизбѣжно участвовавшими въ затѣянной войнѣ съ Бурами, съ Испанцами, съ Тибетомъ.

Русскій человѣкъ считаетъ лучше подчиняться власти, которая не можетъ быть безъ грѣха, чѣмъ участвовать въ ней, но въ этомъ подчиненіи есть границы, границы очень ясно опредѣляемыя тѣми самыми мотивами, которые заставляютъ людей предпочитать подчиненіе властвованію. Границы эти преступаютъ тогда, когда власти принуждаютъ людей поступать противно тому христіанскому ученію, во имя котораго они подчинились власти.

* № 9.

Можно не думать о требованіяхъ христіанства или вовсе отрицать его, но для думающаго человѣка и признающаго христіанство въ его истинномъ значеніи не можетъ не быть очевиднымъ, что гораздо легче нести всякія страданія, чѣмъ стать распорядителемъ дѣла насилія, братоубійства съ стоящими во главѣ правительства нерусскими людьми – нѣмцами, которое не смотря на всю его жестокость, при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ, Николаѣ, [8] терпѣливо переноситъ русскій народъ. Какъ ни тяжело было матеріальное положеніе русскаго народа, онъ съ христіанской точки зрѣнія чувствовалъ себя чистымъ отъ всѣхъ грѣховъ насилій, войнъ, совершавшихся при деспотическомъ правленіи Павловъ, Александровъ Николаевъ, [9] тогда какъ въ Англо-Китайской войнѣ за право продажи опиума китайцамъ, въ жестокостяхъ совершаемыхъ надъ индѣйцами, въ войнѣ съ Бурами, съ Тибетомъ, Американцевъ между Сѣверомъ и Югомъ, въ войнѣ съ Испанцами и во всѣхъ грѣховныхъ дѣлахъ, совершаемыхъ конституціонными державами, всякій Англичанинъ, Американецъ чувствуетъ себя участникомъ.

Русскій человѣкъ предоставляетъ власть правителямъ и не хочетъ участвовать въ ней, но подчиняется онъ власти не потому, что не можетъ не подчиняться, а потому, что самъ хочетъ этого для достиженія своихъ духовныхъ цѣлей. Когда же власть принуждаетъ людей поступать противно тому христіанскому ученію, во имя котораго они подчинились власти, люди перестаютъ подчиняться. И вотъ въ этомъ то и состоитъ начинающаяся теперь русская революція.

* № 10.

Но если это такъ, то для чего же люди, считающіе власть зломъ; обрекли и обрекаютъ на зло своихъ братьевъ? – скажутъ на это. Отвѣтъ на это тотъ, что люди, руководящіеся въ жизни христіанскими требованіями, не нуждаются въ насильнической власти, не учреждаютъ ее, но терпятъ ее, когда она возникаетъ какъ насиліе воровъ и грабителей, такъ же какъ и насилія тѣхъ, которые совершаютъ насилія подъ предлогомъ прекращенія насилій воровъ и грабителей. Люди христіанскаго духа не имѣютъ никакихъ средствъ остановить насиліе, какое бы оно ни было, – насиліе воровъ, грабителей, завоевателей, правителей. Одно, что могутъ сдѣлать люди, желающіе не нарушать христіанской жизни, – это то, чтобы устраниться отъ всякаго насилія, въ случаѣ же невозможности устраненія – терпѣливо переносить его.

<Такъ что истинный христіанинъ, какъ по отношенію къ частному

человѣку–грабителю, не можетъ поступить иначе, какъ такъ, какъ поступилъ у Гюго вымышленный епископъ съ Жанъ Вальжаномъ и какъ поступилъ съ воровкой невымышленный Сютаевъ, прибавивъ еще теплую одежду къ той, которую она унесла у него, и какъ много разъ поступали съ ворами христіанскаго духа люди. Такъ и по отношенію насилія правительствъ, требующихъ податей или службы, христіанинъ не можетъ поступить иначе, какъ такъ, чтобы пройти двѣ версты съ тѣмъ, кто требуетъ отъ тебя пройти съ нимъ одну>

Люди христіанскаго духа не обрекаютъ другихъ на власть, а только предпочитаютъ перенесеніе насилія участію въ немъ. И такъ поступалъ всегда, поступаетъ и теперь русскій народъ. И не потому, чтобы не могъ принимать въ ней участіе, чему хотятъ научить его либералы, или не могъ свергнуть ее, чему хотятъ научить его революціонеры, а потому, что свободно всегда въ своемъ большинствѣ предпочитаетъ участію въ насиліи подчиненіе ему. Но такъ какъ подчинялся и подчиняется народъ насилію власти не по безсилію (сила вся въ немъ), а свободно, для достиженія цѣли свободной отъ грѣха власти жизни, то естественно, что можетъ онъ подчиняться только до тѣхъ поръ, пока подчиненіе это достигаетъ той цѣли, ради которой онъ подчиняется, – возможности христіанской жизни. Когда же дѣйствія власти принуждаютъ его къ иоступкамъ противнымъ христіанской жизни или лишаютъ его возможности вести таковую, то хотя онъ и можетъ еще нѣкоторое время по инерціи и производимому надъ нимъ внушенію продолжать подчиняться власти, хотя она и нарушаетъ его требованія христіанской жизни, но подчиненіе это неизбѣжно должно прекратиться, какъ только большинство народа пойметъ, что подчиненіе власти лишаетъ его того, во имя чего онъ подчинялся. И я думаю, что въ настоящую минуту отношеніе русскаго народа къ власти именно таково, что русскому народу становится или уже стало вполне ясно, что ему не зачѣмъ подчиняться власти. Онъ отдавалъ власть правительству для того, чтобы оно не мѣшало ему жить христіанской жизнью, а теперь именно эта власть прямо съ двухъ сторонъ лишаетъ его этой возможности, и потому онъ вынужденъ, не можетъ не перестать повиноваться. Въ этомъ начинающаяся теперь великая русская революція.

* № 11.

Вслѣдствіи ли того, что большинство русскаго народа жило и живетъ земледѣльческой жизнью, въ которой легче осуществляется жизнь, согласная христіанскому ученію, или отъ того, что русскіе, начавъ читать Евангеліе на понятномъ языкѣ, на нѣсколько сотъ лѣтъ раньше другихъ народовъ и потому больше другихъ проникались его ученіемъ, среди русскаго народа, больше, чѣмъ среди какого–либо другого народа, было распространено не богословское христіанство, а христіанскій духъ братства, равенства, любви, смиренія, покорности волѣ Божьей. Какъ ни старалось правительство заслонить это

христіанское мировоззрѣніе русскаго народа, православно-государственнымъ ученіемъ, христіанскій духъ живъ и продолжаетъ жить во всемъ сѣромъ русскомъ рабочемъ народѣ въ огромномъ большинствѣ его. Поддержанію этого духа содѣйствовали и содѣйствуютъ подвижники-старцы въ монастыряхъ, странники строгой ЖИЗНИ, монахи и монашки православныхъ монастырей и въ особенности такъ называемые сектанты, почти всѣ горячо вѣрующіе въ христіанскую истину люди, несогласные съ существующимъ нехристіанскимъ устройствомъ жизни и отыскивающіе и устанавливающіе новые формы христіанской жизни.

* № 12.

Прежде бывшая насильственная власть правительства стала не только не нужна, но вредна для жизни общества. Какъ одновременно слабнеть и распадается ненужная уже оболочка зерна и бухнетъ проростающее зерно, какъ при разросшейся живой изгороди становится ненужной, мѣшающей полусопрѣвшая, оберегавшая изгородь деревянная ограда, такъ и при той революціи, которая теперь должна совершиться въ Россіи, должны разрушиться государственныя насильническія учрежденія не силою, а неповиновеніемъ имъ вслѣдствіи ихъ ненужности.

* № 13.

И потому все то, что дѣлаютъ теперь, думая содействовать революціи, всѣ тѣ городскіе, не земледѣльческіе классы, которые, подражая европейской революціи, ходятъ съ знаменами по улицамъ, требуя разныхъ льготъ, собираются въ союзы, требуя правъ, учреждая и придумывая будущія формы правленія, не говоря уже о тѣхъ несчастныхъ, заблудшихъ людяхъ, которые совершаютъ смертоубійства, думая этимъ служить освобожденію народа, – всѣ эти люди не только не содѣйствуютъ имеющей совершиться и совершающейся великой русской революціи, но гораздо действительнее, чѣмъ правительство (они, сами не зная того, самые вѣрные помощники правительства), вредятъ ей, останавливаютъ ея ходъ, тормозятъ ее и дѣлаютъ все то, что должно погубить ее.

* № 14.

Всякій христіанинъ не могъ не знать и не чувствовать, что по исповѣдуемому имъ закону смиренія, кротости, прощенія, любви къ врагамъ онъ долженъ покоряться всякому насилію, но не могъ самъ совершать насилія и участвовать въ нихъ. Какимъ же образомъ большинство христіанъ было доведено до того, что совершились насилія, убійства христіанъ надъ христіанами, не считая такіа дѣла противными своему исповѣданію? Приведены къ этому христіане были цѣлой системой религіозныхъ и правительственныхъ обмановъ. Однимъ изъ обмановъ было приписываніе особеннаго, сверхъестественнаго религіознаго значенія лицамъ, облеченнымъ властью. Такъ это было у Римлянъ, такъ это завелось и у христіанъ. Другими самыми действительными и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми удивительными средствами обмана была присяга, т. е. клятва на томъ самомъ Евангеліи, въ которомъ запрещена клятва, въ повиновеніи правительству во всемъ (съ убійствами включительно), что оно прикажетъ. Третьимъ обманомъ, включившимъ въ себя оба первыхъ и отчасти замѣнившихъ два первыхъ, было возведеіе понятія государства въ нѣчто стоящее выше всякаго другого и, следовательно, божескаго закона. Когда первый обманъ помазанія царей, святость ихъ личности и обязательность рабскаго повиновенія ихъ священной особе стали ослабевать, народъ пересталъ верить въ нее, власть держалась на обмане клятвы, присяги. Когда стала понемногу обличаться и этотъ обманъ, крѣпнувшій подъ защитой двухъ обмановъ, обманъ святости, величія государства, отечества, народности, заменилъ первый.

Правительство, пользуясь покорностью своихъ подданныхъ, захватывало подъ свою власть все большее и большее количество иногда совершенно чуждыхъ народовъ и, соединивъ своей властью во единое государство, внушало всѣмъ этимъ соединеннымъ людямъ выгоду и величіе этого соединенія. И люди, воспитанные съ детства въ уваженіи и преданности къ искусственному соединенію государства, Россіи, Франціи, Британіи, Австріи, силой, удерживаемой въ этомъ соединеніи, гордились своей принадлежностью къ нему, считали служеніе этому соединенію и повиновеніе тѣмъ или тому, кто стоялъ во главе этого соединенія высшимъ закономъ. Происходилъ ложный кругъ: следствие было причиной и причина слѣдствіемъ. Понятіе отечества разрушало истинное христіанство, отсутствіе христіанства усиливало вѣру въ отечество.

И люди европейскаго міра видятъ всѣ бѣдственность своего положенія, видятъ безвыходность того пути, по которому идутъ, но не могутъ рѣшиться остановиться и вернуться назадъ, чтобы начать итти по вѣрной дорогѣ съ того мѣста, съ котораго они сбились съ нея. Они видятъ бѣдственность своего положенія, но не хотятъ вернуться, признать, что почти все, что они надѣлали и чѣмъ такъ гордятся, ненужное и вредное. Имъ хочется, не сбрасывая съ себя той тяжести, которая загубила ихъ, выбраться изъ той трясины, въ которой они завязли.

И потому ищутъ они спасенія никакъ не въ сверженіи тѣхъ идоловъ, которымъ поклоняются, и не въ возстановленіи высшаго религіознаго человѣческаго закона, а одни въ колониальной пошлѣнѣ, другіе въ

приобрѣтеніи рынковъ, то въ захватѣ чужихъ земель, третьи въ борьбѣ между собою и потому въ безумномъ милитаризмѣ, четвертые, какъ последнее спасительное средство въ еще болѣе безумномъ, чѣмъ милитаризму социализмѣ, который, если бы когда-нибудь былъ осуществлень, лишилъ бы ихъ послѣдняго остатка свободы. Главное же – всѣ ищутъ спасенія въ суетѣ, въ томъ зайцѣ, какъ говоритъ Паскаль, который не нуженъ охотникамъ, но ловля котораго необходима ему для того, чтобы забыть очевидную бѣдственность своего положенія.

Не видятъ же они того, что, казалось бы, такъ ясно должно бы представляться имъ, во 1-хъ, потому, что народы ихъ уже давно оторваны отъ земли и потому находятся въ полной зависимости отъ правительствъ, во вторыхъ, и главное, потому, что они, воображая устроить свою свободу, устроили себе такое правительство, въ которомъ они всѣ участвуютъ, т. е. несутъ всю отвѣтственность участія въ правительстве, не пользуясь выгодами, въ 3-хъ, такъ много, съ такимъ усердіемъ и трудомъ наделано дурного и вреднаго, скрывающаго отъ нихъ истину и несовмѣстимаго съ истиной то, что они называютъ истинной культурой, цивилизаціей, что имъ отказъ отъ всего того, что такъ долго составляло ихъ гордость, кажется имъ невозможнымъ самоубійствомъ, и, въ 4-хъ, главное, потому, что то единственное могущее спасти ихъ религіозное ученіе такъ извращено, затоптано, загажено ими, что поставить въ основу своей жизни это религіозное учение представляется имъ совершеннымъ безуміемъ. И вотъ потому они придумываютъ все возможное для избавленія себя отъ мучительнаго и угрожающаго еще худшими бѣдствіями положенія, по только не то одно, что можетъ спасти ихъ.

* № 15.

Вы говорите, цивилизація великое благо. Прекрасно, я готовъ согласиться съ вами. Все прекрасно – и динамитъ, и телефоны, и электрическіе двигатели, и Лондонъ, и Парижъ.

Но я говорю, что прежде чѣмъ мнѣ заботиться объ этихъ продуктахъ цивилизаціи, мнѣ надо позаботиться о своей жизни, и вотъ я устраиваюсь на землѣ, борясь только съ природою, а не съ людьми, и живу. Если цивилизація при этой моей жизни не нарушаетъ моихъ нравственныхъ требованій, прибавитъ мнѣ благо, я очень радъ и беру ее, но если, для того чтобы мнѣ имѣть паровой плугъ, нужно, чтобы былъ Нью-Йоркъ съ милліонами изуродованныхъ людей, то я лучше останусь съ лопатой. Я и лопатой могу кормиться.

* № 16.

Революція, предстоящая русскому народу, должна состоять въ освобожденіи себя отъ повиновенія насилію. Русскій народъ считалъ и считаетъ болѣе нравственнымъ, болѣе свойственнымъ человѣческому достоинству подчиняться безъ борьбы насилію, терпѣть его, чѣмъ принимать участіе въ немъ. Но вслѣдствіи неопредѣленности границы между подчиненіемъ насилію, терпѣніемъ его и повиновеніемъ ему, участію въ немъ и вслѣдствіи сложныхъ ухищреній правительствъ (клятва, религіозное освященіе власти), старавшихся скрыть это различіе, русскій народъ перешолъ границу подчиненія насилію, терпѣнія его и сталъ повиноваться правительству, сталъ участникомъ его дѣлъ насилія. И зайдя въ это повиновеніи такъ далеко, что нравственная жизнь стала для [него] невозможной, русскій народъ долженъ понять различіе между подчиненіемъ и перенесеніемъ насилія и повиновеніемъ ему, участіемъ въ немъ. И, понявъ это, долженъ, продолжая подчиняться насилію и безъ борьбы [1 неразобр.], отказаться отъ повновенія власти, приведшей его къ участію въ грѣхѣ насилія. Въ этомъ сущность предстоящей всемірной революціи, имѣющей совершиться теперь въ Россіи. Скажутъ: различіе между подчиненіемъ и повиновеніемъ неопредѣленны, и трудно разграничить ихъ. Это несправедливо: предѣлы очень ясны для всякаго свободаго отъ предвзятыхъ идей, суевѣрій человека. Предѣлы эти весьма ясно определяются сейчасъ, теперь, въ настоящемъ положеніи русскихъ людей: идетъ война съ Японіей, предвидится миръ, который будетъ стоить русскимъ людямъ миллиарды рублей на контрибуцію и на возобновленіе флота и арміи. Какъ должны отнестись къ этимъ явленіямъ люди, понимающіе различіе между подчиненіемъ и повиновеніемъ?

Вы требуете меня въ войско, я не повинуюсь, потому что считаю всякую войну, и эту въ особенности, грѣховнымъ дѣломъ, но вы силою берете меня, посылаете въ Харбинъ или еще куда. Я безъ борьбы подчиняюсь и терплю все, чѣмъ вы меня мучаете, но не повинуюсь ни до солдатства, ни будучи зачисленъ въ солдаты. Тоже и по отношенію податей: вы требуете съ меня денегъ на контрибуцію, на вооруженіе, я не повинуюсь и не даю ихъ, но подчиняюсь безъ борьбы, когда вы обираете меня, отнимаете отъ меня плоды моихъ трудовъ. Тоже и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

* № 17.

«Но если у насъ не будетъ царя, правительства, придутъ чужіе народы и завоюютъ насъ».

Какіе же это народы придутъ завоевать васъ, когда они узнаютъ, что

вы живете на общей всѣмъ землѣ, не даете солдатъ и не воюете ни съ кѣмъ и не платите никакихъ податей, кромѣ тѣхъ, какія сами на себя накладываете для общественныхъ дѣлъ? Если только вы станете жить такъ, чужіе народы не только не придутъ завоевывать васъ, но переймутъ ваше устройство и присоединятся къ вамъ.

* № 18.

Революція только тогда можетъ совершиться и только тогда благотворна, когда она разрываетъ тѣ узы, которыя связываютъ людей, заставляя ихъ страдать, и когда, уничтожая идоловъ, которымъ прежде поклонялось человѣчество, приближаетъ человѣчество къ тому благу, къ которому оно всегда стремится. Узы, связывающія теперь народы, это насиліе власти. Идолы, которымъ жертвуютъ теперь люди своимъ благомъ и свободой, – это идолы воображаемаго единого государства – отечества. Благо, къ которому приближаетъ настоящая революція, – это благо истинной свободы и замѣна общенія людей одного государства, поддерживаемаго насиліемъ, общеніемъ всемірнымъ, основаннымъ на разумномъ согласіи.

* № 19.

Обыкновенно предполагаютъ, что общественный порядокъ и спокойствіе людей держится только на насиліи власти, но вѣдь это совершенно неправда. Утвержденіе это подобно тому, которое сдѣлалъ бы здоровый человѣкъ прежняго поколѣнія о томъ, что онъ чувствуетъ себя сильнымъ и здоровымъ только потому, что каждый годъ на молоду мѣсяцъ выпускаетъ изъ себя нѣсколько чашекъ крови. Онъ силенъ и здоровъ несмотря на то, что безъ надобности пускаетъ кровь. Такъ и люди живутъ въ кое какомъ очень сомнительномъ спокойствіи и порядкѣ не потому, что повинуются насилію, а несмотря на то, что терпятъ насиліе и повинуются ему.

* № 20.

Тоже, что при прекращеніи повиновенія и разрушенія существующаго порядка, основаннаго на насиліи, будутъ, могутъ быть безпорядки, буйства, насилія, то это никакъ не доказываетъ того, что

существующій порядокъ былъ хорошъ. Революція состоитъ въ замѣнѣ худшаго порядка лучшимъ. И замѣна эта не можетъ совершиться безъ внутренняго потрясенія, но потрясенія временнаго. Замѣна же дурнаго порядка лучшимъ есть неизбѣжный и благотворный шагъ впередъ человѣчества.

* № 21.

Но какъ, какже, какъ въ томъ обществѣ, гдѣ люди перестанутъ признавать законность насилія, какъ въ томъ обществѣ будутъ относиться къ людямъ, которые пришли въ семью грабить, развратничать, убивать?

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только тѣмъ, что люди, отказавшіеся отъ насилія и не повинующіеся насилію, какъ и всегда всѣ люди, будутъ находиться въ разныхъ степеняхъ признанія истины и будутъ различно относиться къ совершаемому надъ ними насилію. Будутъ такіе, которые, несмотря на признаніе незаконности насилія, будутъ всетаки по слабости отдаваться старой привычкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограждать себя насиліемъ, будутъ, отдаваясь непосредственному животному чувству, отвѣчать насиліемъ на насиліе, будутъ и такіе, которые только въ рѣдкихъ случаяхъ будутъ употреблять насиліе, для огражденія себя и своихъ близкихъ, наконецъ и такіе, которые всегда будутъ переносить насиліе, никогда не совершая его. Трудно, чтобы люди, воспитанные въ строѣ, поддерживаемомъ насиліемъ, незаконностью, неразумностью насилія, во всѣхъ случаяхъ воздерживались отъ насилія.

Но если только и тѣ, и другіе, и третьи, будутъ признавать незаконность, ненужность насилія и не будутъ повиноваться власти, требующей насилія, не будутъ признавать незаконной власти, то это одно признаніе въ корнѣ отъ основанія до вершины измѣнитъ весь строй теперешняго общества и, несомнѣнно, никакъ не увеличитъ, а навѣрное уменьшитъ зло тѣмъ, что будетъ называть зло зломъ, а не возвеличивать и обож[ествлять] его.

* № 22.

И люди христіане, продолжая жить по прежнему, не только не признали разумность и законность подчиненія безъ борьбы и неразумность и незаконность повиновенія насилію, но какъ разъ обратно: признали неразумность и постыдность подчиненія безъ борьбы и неразумность и

законность повиновения. И, живя такъ, христіанскіе народы продолжали дѣлать то, что дѣлали нехристіанскіе и все больше и больше запутывались въ противорѣчіяхъ христіанства и насилія. И дошли наконецъ до всѣхъ тѣхъ ужасовъ и нелѣпостей, которые переживало и переживаетъ человѣчество: до военной власти главы христіанскаго міра – папы, до благословенія войны, до костровъ, висѣлицъ, электрической казни, до провозглашенія братства или смерти, до христіанскихъ миллиардеровъ, не знающихъ, куда дѣвать свои деньги, и миллионныхъ рабочихъ, не знающихъ, чѣмъ кормить свои семьи, до превращенія христіанскихъ народовъ въ вражескія войска, отдающіе всѣ свои силы на вооруженіе другъ противъ друга и готовыхъ всякую минуту растерзать другъ друга.

* № 23.

Мы такъ привыкли къ тому рабскому состоянію, въ которомъ находимся, что намъ кажется совершенно естественнымъ то, что должно бы повергнуть въ величайшее недоумѣніе и удивленіе всякаго истинно свободнаго человѣка. Кто то такой, не Богъ, а человѣкъ, люди, велѣли, чтобы я платилъ кому то каждый годъ столько то денегъ, чтобы, покупая желѣзо, керосинъ, водку, сахаръ, я кому то за что то платилъ деньги, кто то велѣлъ, чтобы я на границѣ платилъ столько то денегъ за товаръ, который получу и который отвезу. Кто то велѣлъ, чтобы я сына своего отдалъ въ кѣмъ то устроенную школу и потомъ отдалъ бы его въ солдаты, и т. д. и т. д. Кто же этотъ кто то такой, котораго я долженъ слушаться? Въ однихъ мѣстахъ мнѣ говорятъ, что это царь и что поэтому я долженъ дѣлать все то, что отъ меня хочетъ этотъ царь, котораго я не знаю, а можетъ быть, и знаю и презираю. Развѣ это не самое постыдное рабство, если я повинуюсь, да еще въ такихъ дѣлахъ, которыя противны моей совѣсти?

Въ другихъ же мѣстахъ мнѣ говорятъ, что все это я долженъ дѣлать, потому что я самъ хочу этого.

Всего этого требуетъ человѣкъ, котораго выбралъ тотъ человѣкъ, котораго я выбиралъ. И тотъ, котораго я выбиралъ, и тотъ котораго тотъ выбиралъ, – всѣ они люди, человѣки, подверженные соблазнамъ, слабостямъ, и я долженъ только вѣрить, что я хочу всего того, что они мнѣ велятъ. Едва ли это не еще худшее рабство, худшее потому, что съ обманомъ.

Главное же – мнѣ нѣтъ никакой надобности повиноваться никому. Я могу согласиться съ товарищемъ, съ товарищами и исполнять то, что мы рѣшили. Если же я не согласенъ, я не буду исполнять. Они могутъ заставить меня, но я не хочу и не вижу нужды повиноваться кому бы то ни было. Не вижу нужды повиноваться кому бы то ни было, главное,

потому, что если только я признаю, что я должен и буду всегда повиноваться не себѣ, а другому, я лишаюсь своего главного человеческого свойства, и я могу быть принужденъ дѣлать то, что противъ моей совѣсти, признаваемому мной высшему закону. Такъ что повиновение другому, повиновение власти есть всегда отречение отъ своего человеческого достоинства, есть отречение отъ высшаго закона, отъ Бога. Такъ что смыслъ революціи, предстоящей теперь человечеству, есть возстановленіе утраченного людьми христіанскаго мира человеческого достоинства и признанія какого-либо единого высшаго закона.

Отъ этого то я и думаю, что революція, которая предстоитъ намъ, есть самый великій переворотъ, который на нашей исторической памяти переживало человечество.

* № 24.

«Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока – говоритъ Герцень полстолѣтія тому назадъ – большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину, – и тогда она ихъ не тѣснитъ; но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человекъ считаетъ нелѣпымъ». И большинство народа начинаетъ догадываться, что то, что такъ высоко цѣнится тѣми, кому оно выгодно, есть только признакъ порабощенія большинства народа.

* № 25.

Подати, солдатство, ростъ городовъ, пролетаріатъ, вырожденіе людей не только тѣлесное, но душевное, нравственное, все только отъ этихъ ужасныхъ идоловъ государства, отечества, вѣру въ которые, т. е. ужасное суевѣріе необходимости и святости этихъ идоловъ всѣми силами поддерживаютъ правящіе классы, такъ какъ все ихъ благосостояніе, возможность порабощать народы, жизнь его трудами – основаны на этомъ ужасномъ суевѣріи.

* № 26.

Какъ будутъ жить безъ государства и правительства? Да точно такъ, какъ живутъ люди теперь, только безъ всѣхъ тѣхъ золь, которые несутъ люди теперь отъ государственной власти. Говорять, люди передерутся безъ этой власти. Но это неправда: люди живутъ мирно не потому, что есть власть, а потому, что они всѣ знаютъ, что выгоднѣе такъ жить. И люди, особенно люди, живушіе земледѣльческой жизнью, живутъ поколѣніями безъ надобности въ какомъ бы то ни было начальствѣ. Если же среди нихъ являются разбойники, воры, то никакое правительство никогда не уничтожало разбойниковъ и воровъ. Они есть при всякомъ правительствѣ. И удерживаютъ людей – всѣ это знаютъ – не войска, жандармы и суды, а добрые нравы.

А ничто не развращаетъ такъ добрые нравы, какъ войско, жандармы и суды.

* № 27.

«Но люди не могутъ отказаться отъ тѣхъ благъ, которыя приобрѣтаются болѣе широкимъ общеніемъ, чѣмъ мірскія сходки, обслуживающія только вопросы деревни, – скажутъ на это. – Людямъ нужна заводская промышленность, и пути сообщенія, и почты и телеграфы, и учебныя заведенія, и библіотеки». Но почему же предполагать, что всѣ тѣ необходимыя для людей соединенія, какъ промышленныя заведенія, пути сообщенія, просвѣтительныя учрежденія, не могутъ иначе возникнуть, какъ только посредствомъ государственнаго насилія?

Люди могутъ и безъ правительственнаго насилія, какъ они это и теперь дѣлаютъ, вступать въ необходимыя для нихъ соединенія и безъ насилія, по добровольному соглашенію, устанавливаютъ всѣ тѣ учрежденія, которыя нужны имъ, какъ торговыя, промышленныя, художественныя, научныя, международныя соединенія. И добровольно сложившіеся такія соединенія будутъ исполнять, какъ это и происходитъ во многихъ дѣлахъ и теперь, все то, даже и гораздо больше того, что исполняютъ правительственныя учрежденія, съ той только разницей, что соединенія насильническія, возникшія изъ сложной игры насилія,

[10] держатся только до тѣхъ поръ, пока держится насиліе, и распадается, какъ только оно прекращается.

Соединенія же добровольныя, идущія отъ мелкихъ единицъ и слагаясь сообразно съ интересами торговыми, земледѣльческими, путей сообщенія, научными или другими, не нуждаются въ насиліи и держатся до тѣхъ поръ, пока они нужны и удовлетворяютъ желаніямъ соединившихся.

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«КОНЕЦ ВЕКА».

«Конец века» задуман был Толстым еще до окончания работы над «Великим грехом». В неопубликованной части «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого под 19 мая 1905 г. передаются следующие слова Толстого: «Думаю, что «Великий грех» окончательно кончил... Опять буду писать о современном, хотя не хотел больше на современные события откликаться. Разгром флота – событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и духовный подъем. В статье хочу сказать, во-первых, что в русском народе и сознательно и бессознательно был христианский дух, нежелание воевать, у японцев – наоборот: геройство, война – высший идеал. Второе (не могу вспомнить, что). [11] Третье то, что цивилизованные государства гордились тем, что военное искусство есть нечто добываемое тяжелым трудом, и только они могут его усвоить; японцы же доказали, что за 10 лет его можно усвоить. Значит, нам нужно показать миру не это, а более трудное: христианское устройство жизни».

В этих словах – программа первой и второй глав «Конца века».

Но работа над «Великим грехом» в мае еще не была кончена. Толстой

принялся за сокращение статьи, а затем за писание вступления к ней. Эта работа продолжалась еще во второй половине июня. 12 июня Толстой записывает в Дневнике: «Хотел писать и «Силоамскую башню» и «Зеленую палочку» и ничего не могу». «Силоамская башня» – первоначально задуманное заглавие статьи, написанное в самом раннем автографе на первом листе. Под этим заглавием в этом же автографе написано и другое – «Конец века».

[12] 18 июня Толстой заносит в Дневник с пометкой «К Силоамской башне» мысль, развитую в первой главе «Конца века», – о том, что разгром русского флота и государства есть прежде всего разгром всей лжехристианской цивилизации. «Чувствую, сознаю и понимаю это – продолжает он – с величайшей ясностью. Как бы хорошо было суметь ясно и сильно выразить это». Далее высказывается мысль, развитая во второй главе, – о преимуществах нехристианских народов над христианскими в денежной борьбе, в научной и художественной деятельности, наконец, в военном деле.

Под 29 июня в Дневнике записано: „Почти ничего не делал. Только нынче немного пописал «Силоамскую купель»“.

[13]

Рядом с пометкой «К Силоамской башне» записываются следующие три мысли: 1) «Изменение государственного устройства может произойти только тогда, когда установится новая центральная власть или когда люди местами сложатся в такие соединения, при которых правительственная власть будет ненужна. А вне этих двух положений могут быть бунты, не перемена устройства». 2) «Тоqueville говорит, что большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте, именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленное, чем во Франции... Это верно. И по той же причине новая, следующая революция – освобождение земли – должна произойти в России, так как везде положение народа по отношению к земле хуже, чем в России». 3) «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905 г.»

6 июля Толстой пишет В. Г. Черткову: «Всё это время дурно работается, кажется, что много что имею, могу и хочу сказать, и ничего не выходит. А события нудят, требуют ответа на них. Может быть, заблуждаюсь, но так кажется» (АЧ).

Следующее упоминание в Дневнике о работе над «Концом века» относится лишь к 31 июля: „Мало подвинулся в «Конце века»“. Но 10 августа Толстой там же записывает: „Почти кончил «Конец века»“. На самом

же деле до конца работы еще было далеко, и Толстой продолжал ее вплоть до декабря, почти не отвлекаясь никакой другой работой, всё более и более испытывая удовлетворение от написанного. 27 августа в Дневнике записано: „Писал всё время «Конец века», кажется, порядочно. Почти кончил. Всё еще «почти»“. 4 сентября Толстой пишет Черткову: «Всё кончаю статью, которую совестно писать (опять вам работа) и хочется многое многое еще сделать» (АЧ). 6 сентября он пишет о том же Г. А. Русанову: «Почти кончил статью «Конец века», которая мне самому очень нравится» (ГТМ), а 9 сентября он заносит в Дневник: «Всё время писал «Конец века» и редко бывал чем-нибудь так доволен. Кажется, что хорошо. Могло бы и должно бы быть много лучше, но и так ничего». Через десять дней, 19 сентября, в Дневнике записано: «Совсем кончил «Конец века» и редко был так доволен тем, что написал. Это поймут меньше, чем что-либо из того, что я писал, а между тем это оставит след в сознании людей».

Но последующие записи говорят о том, что, как это часто бывало у Толстого, то, что он считал уже конченным, в частности «Конец века», в действительности кончено не было, и работа всё еще продолжалась, вопреки неоднократным заявлениям в Дневнике и в письмах, что он «кончил», «совсем кончил» то или иное произведение. Под 20 сентября в Дневнике читаем: «Утром писал «Конец века». Все доволен». 23 сентября там же записано: „Кончил «Конец века»“, а 27-го – «совсем кончил «Конец века» и примериваюсь к новой работе». В письме к Черткову, написанном около этого времени (почтовый штампель 27 сентября), Толстой однако еще не совсем уверенно говорит об окончании статьи: «Статью «Конец века», я, кажется, кончил и на днях пошлю вам» (АЧ). 6 октября он вновь записывает в Дневник, что «кончил «Конец века» и читал с отметками «Александра I», т. е. книгу Н. К. Шильдера об Александре I, а 15 октября в письме к М. Л. Оболенской пишет: «Конец века» думал, что кончил, но стал поправлять и, кажется, выйдет» (ГТМ). Через три дня, 18 октября, Толстой пишет Бирюкову: «Я кончил «Конец века» и, хотя не следует говорить, очень доволен этой статьей» (АТБ) и в тот же день сообщает Черткову: «Конец века», как надеюсь, кончил... на днях пришлю. Совестно говорить, но продолжаю думать, что это хорошо и нужно» (АЧ). Наконец, 23 октября, занося в Дневник, после одиннадцатидневного перерыва, очередную запись, он отмечает: «Не писал давно. Всё время поправлял, добавлял «Конец века». Продолжаю быть довольным. Кончил. Больше не буду».

Однако и после этого работа над статьей продолжалась. 3 ноября она отослана была для напечатания и Черткову в Англию, а на следующий день Толстой, обещая в скором времени выслать исправленное «Божеское и человеческое», писал ему: «Вероятно, вы тоже уже получили «Конец века», который Юлия Ивановна

[14] послала вам вчера, 3 ноября. Нынче я вновь пересмотрел эту статью, сделал в ней поправки и прибавления и отошлю вам одновременно с этим письмом или днем позднее» (АЧ). Речь, очевидно,

идет о тех исправлениях и дополнениях, которые сделаны были Толстым вторично в главах двенадцатой и отчасти шестой и о которых идет речь ниже, при описании рукописи № 21. В письме от 24 ноября н. с. Чертков извещал Толстого о получении им «Конца века» и поправок к нему и сообщал, что сейчас же принимается за перевод ее на английский язык (АБ). Около 10 ноября, собираясь послать Черткову исправленное «Божеское и человеческое», Толстой писал ему: «Послал вам также вариант к «Концу века» и посылаю еще прибавочку. Не сетуйте на меня, что так утруждаю вас. Желая сделать попроще и всегда попадаюсь и доставляю лишний труд друзьям. Чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется уйти в себя и не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела» (АЧ). Под «вариантом» здесь, видимо, разумеются поправки и дополнения к VI и XII главам. О какой «прибавочке» идет здесь речь, неясно. При письме она не сохранилась. Черткову же Толстой пишет около 16 ноября: «Посылаю вам «Божеское и человеческое» и еще маленькую, хотя и пустую, прибавку к концу 8-й главы «Конца века», которую мне бы хотелось поместить» (АЧ). К письму приложена и самая прибавка, написанная рукой Ю. И. Игумновой: «Вообще же всему русскому народу... новые формы жизни». В письме, полученном Чертковым 19 декабря н. с., Толстой пишет ему: «Что «Конец века»? Получили ли его и как бы согласовать его печатание у вас и в России? Мы сделаем всё, что вам для вашего дела нужно», и затем делает следующую приписку: „Прилагаю еще прибавку к «Концу века»“ (АЧ).

Одновременно печатать «Конец века» в Англии и в России Толстой решил в ноябре. 11 ноября он писал И. И. Горбунову, стоявшему во главе издательства «Посредник»: «Мне приходит мысль: нельзя ли напечатать теперь в России «Конец века»? Я послал Черткову дня три тому назад, но у меня есть другой экземпляр. Не возьметесь ли вы напечатать? Если да, то я бы прислал вам, а вы списались бы, телеграфировались с ним, так чтобы выход у вас не помешал ему. Как вы думаете?»{ГТМ}. И. И. Горбунов взялся за напечатание статьи, и 2 декабря им отправлена была через С. Д. Николаева вместе с письмом (АБ) ее корректура (см. ниже описание рукописей, относящихся к «Концу века», № 24. Через несколько дней С. Д. Николаев на обратном пути из Харькова получил от Толстого исправленную корректуру и отвез ее Горбунову. В этой корректуре была значительно сокращена последняя – XII глава – «Заключение». Но после того, как корректура была отправлена, Толстой решил было, видимо, восстановить исключенные из «Заключения» места и написал собственноручно текст телеграммы на имя Горбунова: «Оставьте заключение по стар» (см. ниже описание рукописей, № 30). Но не дописав даже последнего слова и не подписав фамилии, Толстой передумал и, зачеркнув текст написанной им телеграммы, не послал ее, а чистую оборотную сторону листка, на котором был написан текст телеграммы, использовал для дополнений к своей статье «Свободы и свобода», которую решил включить в «Конец века». 9 декабря он записывает в дневник: „Писал «Свободы и свобода» как отдельную статью и нынче включил в «Конец века»“. Очевидно, решение не посылать Горбунову телеграммы было связано с решением заменить «Заключение» новой главой «Свободы и свобода» и наново составленным кратким заключением. Таким образом непосланную телеграмму следует датировать не позднее, чем 9 декабря. Она не могла быть написана и ранее 6–7 декабря, вероятного срока отправки

Горбунову корректур.

9 декабря Толстой писал Горбунову: «Пишу вам не своей рукой, потому что устал. Устал же оттого, что прибавил и изменил конец статьи, из заключения сделав главу XII, заключение же осталось отдельно. Кроме того, написал вставку к концу главы VI после слов: «при усмирении, возмущении и, главное, всё увеличивающихся и увеличивающихся отказов от присяги и солдатства». Эту вставку прилагаю. Как всегда, даю вам *carte blanche*

[15] сокращать, что найдете нужным» (АЧ).

Новые XII глава и заключение вместе со вставкой к шестой главе Горбуновым были затем пересланы в Англию Черткову.

На этом работа Толстого над «Концом века» закончилась.

—

К «Концу века» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ), (папки 38, 83, 93, 94, 95 и переплетенная в кожу тетрадь («Синий альбом») из архива А. Л. Толстой).

1. Автограф начала статьи, обрывающейся на полуфразе, на 5 пронумерованных с обратной стороны посторонней рукой листах большого почтового формата, исписанных с одной стороны. В начале первого листа написано заглавие «Пора» и затем идут пять строк, в которых говорится о бессмысленном и жестоком деле, о том, что «милліонъ отобранныхъ, сильныхъ молодыхъ людей русскаго, христіанскаго по своему исповѣданію миролюбиваго народа отдаеть послѣднія свои силы» (очевидно на дело войны). Эти строки и заглавие, очевидно, не относящиеся к данной статье (может быть, они относятся к «Единое на потребу») зачеркнуты. Затем следует заглавие «Силоамская башня» и под ним другое – «Конецъ вѣка», эпитафия из Евангелия от Иоанна и начало статьи: «Вѣкъ и конецъ и начало вѣка на евангельскомъ языкѣ». Конец: «Мало того...» По содержанию рукопись соответствует первой главе печатного текста, но в ней есть два варианта, не вошедшие в печатный текст. Первый относится к началу рукописи, второй к концу ее. Печатаем их под № 1 и 2.

2. Рукопись на 14 пронумерованных листах в 4°, из которых один урезан. На первых семи листах крайне несовершенная, переполненная ошибками копия автографа, исправления рукой Толстого, на остальных – автограф продолжения статьи, написанный частью с обеих сторон листа, частью с одной. Заглавие – «Конецъ вѣка». Вслед за эпитафией начало: «Вѣкъ и конецъ и начало вѣка на евангельскомъ языкѣ». Конец: «въ жизни христіанскихъ народовъ». Исправления, сделанные в КОПИИ, большей частью стилистического характера; кроме того, переставлены отдельные абзацы и зачеркнуты варианты, приведенные из автографа, – первый целиком, второй частично. Автограф продолжения по содержанию

соответствует второй главе печатного текста, но кратче ее.

3. Рукописный материал, заключающий в себе 9, частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 81 обрезок, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой, Д. П. Маковицкого, М. Л. Оболенской и Н. Л. Оболенского и исправленных рукой Толстого, и 2 вставки–автографа. Части копий рукописи, описанной под № 2. Всего одиннадцать копий. Текст разбит на четыре главы. Отдельные листы входили здесь в различные комбинации и переносились в другие рукописи; поэтому нумерация отдельных листов очень пестрая. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции первой и второй глав. Существенных вариантов нет.

4. Рукописный материал, заключающий в себе 9 листов разного формата автографов, исписанных большей частью с обеих сторон, 62 частью склеенных из нескольких частей листов в 4°, и 82 обрезка, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского, Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Этот материал содержит в себе главы первую, шестую, седьмую и первые строки восьмой по первоначальному счету и соответствует главам третьей и первой половине шестой печатного текста. Написанное на машинке и рукой переписчиков представляет собой копии автографов. Таких копий сделано до восьми. И здесь, как и в предыдущей рукописи, отдельные листы входили в различные комбинации и переносились в другие рукописи; нумерация и тут пестрая. Исправления, сделанные в копиях, постепенно приближают их к окончательной редакции. Однако в тексте, соответствующем шестой главе печатного текста, нет еще материала, соответствующего второй половине этой главы, начиная с того места, где речь идет об отношении сектантов к правительственному насилию. Автограф самой ранней редакции пятой главы (по первоначальному счету) печатаем в вариантах (№ 3). Вариант № 7 представляет собой последнюю редакцию того места в автографе ранней редакции, в которой говорится об отличии поведения народа от поведения городских сословий. Из следующего автографа той же пятой главы печатаем отрывок, заключающий в себе оценку русской революции (вариант № 4). Этот же отрывок приводим в одной из последних его редакций (вариант № 5) и в самой последней (вариант № 6). Варианты №№ 8–10 развивают тему об отношении русского народа к власти.

5. Рукописный материал, заключающий в себе 7 листов разного формата автографов, исписанных с обеих сторон, 50 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 19 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Содержит в себе главу восьмую по первоначальному счету, в последних копиях – шестую и затем четвертую и соответствует второй половине шестой главы печатного текста, трактующей об отношении сектантов к военной службе. Общее количество исправленных копий – 10. Та же пестрота нумерации, что и в рукописях, описанных под №№ 3 и 4, и по той же причине. В автографе и первоначальных копиях сильнее подчеркивается различие между русским народом и другими европейскими народами в их отношении к воинской повинности: в русском народе, лучше других усвоившем подлинное христианство, введение всеобщей

воинской повинности встретило гораздо большее противодействие, чем у других народов; отказы от военной службы в России чаще, чем в других европейских странах. В ранних редакциях большая резкость тона, чем в редакциях позднейших: говорится, напр., об «обманах» и «лжетолкованиях» церкви: русско-японская война характеризуется как «ужасная, нелепая, подлая по своим низким, корыстным мотивам». Извлекаем отсюда вариант № 11.

6. Рукописный материал, заключающий в себе 4 листа разного формата автографов, исписанных с обеих сторон, и 9 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 15 отрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Заключает в себе главу девятую по первоначальному счету, соответствующую главе седьмой печатного текста. Текст, переписанный на машинке и от руки, представляет собой остатки шести исправленных копий автографа.

7. Рукописный материал, заключающий в себе 13 листов разного формата автографов, исписанных большей частью с обеих сторон (две редакции) и 82 листа в 4°, часть которых склеена из нескольких частей, и 53 обрезка, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Первоначально главы, на которые поделен этот материал, были обозначены цифрами X и XI, затем две главы были слиты в одну, обозначенную последовательно цифрами VIII, VI, VII. Материал этот соответствует пятой главе печатного текста и, за исключением листов с автографами, представляет собой остатки копий этих автографов. Таких копий, считая и перепечатки отдельных страниц текста, сделано было до двадцати. На некоторых копиях сохранились заглавия, изменявшиеся в такой последовательности: «Положеніе Европы и Америки по отношенію къ предстоящей революціи», «Психологическія причины предстоящей революціи», «Неизбѣжный выводъ въ практикѣ изъ принятія закона согласія и любви во всемъ его вначеніи», «Какими путями непринятіе заповѣди непротивленія привело христіанское челоѳчество к необходимости революціи?», «Послѣдствія непринятія заповѣди непротивленія». К этому материалу относятся варианты, напечатанные под №№ 12–14.

8. Автограф на 2 листах в 4°. Первые три страницы, написанные разгонистым почерком, заняты текстом двенадцатой главы по первоначальному счету, последняя – посторонними арифметическими выкладками, сделанными также рукой Толстого. Начало: «И потому опасность, угрожающая теперь русскому народу». Конец: «будутъ прилагать ихъ». Значительная часть текста перечеркнута. Вслед за текстом подпись «Л. Т.» и собственноручная дата – 5 августа. По содержанию рукопись соответствует равным местам текста последних глав статьи, главным образом, тексту десятой главы.

9. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов в 4° и 2 обрезка. На 6 листах и 2 обрезках, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Н. Л. Оболенского, Ю. И. Игумновой и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого, одна цельная копия предыдущей рукописи и четыре остатка копий. На оставшейся чистой части лицевой и на оборотной странице одного из остатков копии, на

обеих страницах чистой четвертушки и на двух оборотных страницах цельной копии – автограф продолжения двенадцатой главы по первоначальному счету. Текст этого автографа по содержанию соответствует одиннадцатой главе печатного текста и трактует о судьбе цивилизации. Начало автографа: «Но это старое, это первобытное состояніе». Конец: «Въ этомъ предстоящая революція». Вслед затем – собственноручные подпись «Л. Т.» и дата – 15 августа. Извлекаем из автографа вариант, который печатаем под № 15.

10. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов разного формата разновремененно написанных автографов, дополняющих главу о цивилизации, и 25 большей частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 60 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой и Д. П. Маковицкого, исправленных рукой Толстого и заключающих в себе остатки более чем шести копий автографов всей главы. Главы эти последовательно обозначались цифрами X и XI. Существенных вариантов в этом материале нет.

11. Рукописный материал, заключающий в себе 14 листов разного формата разновремененно написанных автографов, 79, частью склеенных из нескольких частей, листов в 4° и 90 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, Д. П. Маковицкого, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и неизвестного, исправленных рукой Толстого и заключающих в себе остатки более чем десяти копий автографов этой главы. На отдельных листах есть обозначения глав – VII, VIII, IX, X, XI, со следующими заглавиями: «Неразумность обеспеченія жизни насиліемъ. Причины этого заблужденія», «Какою будетъ положеніе людей, отказавшихся отъ повиновенія правительству?», «Внутреннее устройство, свойственное русскому народу», «Чѣмъ будетъ ограждено общежитіе людей, отрицающихъ насиліе?», «Каково будетъ положеніе людей, отказавшихся отъ повиновенія?», «Какова будетъ та форма, въ которую сложится жизнь людей при уничтоженіи власти?», «Какая деятельность людей будетъ содействовать предстоящему перевороту?», «Въ чемъ должна состоять дѣятельность людей нашего времени?». Материал рукописи соответствует главам восьмой, девятой и десятой печатного текста. Извлекаем из него варианты, которые печатаем под №№ 16–21.

12. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов в 4° разновремененно написанных автографов, перемежающихся с копиями, и 59 листов в 4°, частью склеенных из нескольких частей, и 44 обрезка, написанных на пишущей машинке, исправленных рукой Толстого и содержащих в себе остатки больше чем десяти копий автографов. Первый автограф и первоначальные копии обозначены были цифрой XII и являлись последней главой статьи, заканчивавшейся следующими словами:

И мы живемъ въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда это новое благо, только предчувствуемое челоѳчествомъ тысячелѣтіями, теперь, сейчасъ близко къ осуществленію, и мы имѣемъ счастье быть участниками, дѣятелями этаго осуществленія.

Будемъ же благодарны за это и сдѣлаемъ все, что можемъ, для того

чтобы исполнить то дѣло, которое выпало на долю нашему поколѣнію.

Вслед за этим – полная собственноручная подпись Толстого и дата: «Ясн. П. 1906. 27 Авг.»

В ближайшей копии рукой Толстого написано «Конецъ» и проставлена новая дата – 28 августа 1905 г. В дальнейшем рядом с цифрой XII появляется заглавие «Постепенное уясненіе сознанія неравумности насилія». Затем глава, обозначенная цифрой XI, озаглавляется: «Значеніе религіи въ общественной жизни». Дальше эта же глава, обозначенная цифрой VI, получает сначала заглавие: «Основная причина противорѣчія, приведшаго къ предстоящей революціи» и, наконец, – «Основная причина предстоящаго переворота». Материал рукописи соответствует главе четвертой печатного текста. Извлекаем из него вариант № 22.

13. Автограф на 4 листах разного формата, исписанных, кроме первого, с обеих сторон. Начало: «Человѣчество жило по закону повиновенія власти». Конец: «на нашей исторической памяти переживало человѣчество». По содержанию текст рукописи соответствует приблизительно первой половине двенадцатой главы в ее первой печатной редакции. Извлекаем отсюда вариант № 23, приходящийся на конец автографа.

14. Рукописный материал, заключающий в себе 24, частью склеенных из нескольких частей, листа в 4° и 36 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой, исправленных рукой Толстого и заключающих в себе остатки до пяти копий предыдущей рукописи. В копиях текст рукописи обозначен цифрой XII, вслед за которой написано «Заключеніе». На одном из листов копии рукой Толстого написано «Конецъ», на другом поставлена дата 14 сентября 1905 г.

15. Рукописный материал, заключающий в себе 78 обрезков, написанных большей частью на машинке, частью от руки различными переписчиками и в отдельных случаях рукой Толстого. Переписанное на машинке и посторонней рукой исправлено Толстым. Приурочению к отдельным главам эти обрезки не поддаются.

16. Рукопись на 93, часто склеенных из нескольких частей, листах в 4°, исписанных с одной стороны частично рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, В. А. Лебена и одного неизвестного переписчика и исправленных рукой Толстого. На большей части листов – последовательная нумерация посторонней рукой. В некоторых случаях нумерация дублирована; часто окончательный номер листа поставлен вместо зачеркнутых прежних одного или двух номеров. Между листами 66 и 67 (по нумерации рукописи) вложены три относящиеся сюда вставки, написанные рукой Толстого. Лист с номером 72 отсутствует. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Игумновой написано «Конецъ века» и ее же рукой карандашом, сверху обложки – «1-й экземпляр». Рукопись составилась из разновременных напечатанных и написанных листов (часть листов до конца недопечатана или недописана), собранных в одно целое и составивших сплошной, цельный текст статьи. Он поделен на двенадцать глав, распорядок которых отличается от

того, какой имеется в первой печатной редакции. Так, глава четвертая соответствует шестой окончательного текста, пятая – седьмой, шестая – четвертой, седьмая – шестой, девятая – десятой и десятая – девятой. Глава третья озаглавлена «Значение волнений, происходящих в России», девятая – «Внутреннее устройство, свойственное человечеству». Текст рукописи по содержанию близок к печатному тексту первой редакции. Дальше всего от него стоят третья и двенадцатая главы. Первая распространеннее, последняя кратче соответствующих глав печатного текста.

17. Рукописный материал, заключающий в себе 23 листа в 4°, 24 обрезка и 1 вставку. Отдельные листы и обрезки исправленных рукой Толстого машинописных копий отдельных мест рукописи № 15, являющиеся переходным материалом между рукописями, описанными под №№ 17 и 20. К первой главе относится 1 лист и 3 обрезка, ко второй – 1 лист и 1 обрезок, к третьей – 15 листов и 6 обрезков (остатки четырех копий), к четвертой (здесь и всюду дальше счет по окончательной нумерации глав) – 2 обрезка, к пятой – 1 обрезок, к шестой – 3 обрезка, к восьмой – 5 листов и 4 обрезка, к девятой – 1 лист, 3 обрезка, и 1 вставка-автограф, к десятой – 5 листов и 1 обрезок.

18. Автограф добавления к двенадцатой главе на 4 листах (2 листа в 4°, исписанных с обеих сторон, и 2 листа почтового формата, исписанных с одной стороны). Начало: «Вѣдь стоить только на минуту». Конец: «должны сдѣлать и всѣ другіе народы».

19. Рукописный материал, заключающий в себе 17, частью склеенных из нескольких частей, листов в 4° и 11 обрезков, написанных на пишущей машинке, исправленных рукой Толстого и содержащих остатки двух копий предыдущей рукописи.

20. Рукопись на 90, частью склеенных ив нескольких частей, листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого и М. С. Сухотина. На большей части листов последовательная нумерация, сделанная несколькими посторонними лицами. На обложке рукописи рукой Ю. И. Игумновой написано «Конец века» и ее же рукой карандашом сверху обложки – «2-й экземпляр». Листы соединены так, что рукопись, представляя собой полный текст статьи, очень близкой к первой печатной редакции, является копией рукописи, описанной под № 16, со внесением всех тех поправок и дополнений, какие заключаются в рукописных материалах, описанных под №№ 17–19. Распорядок глав в этой рукописи соответствует тому, какой принят в печатном тексте первой редакции. Заглавия глав также сходны с заглавиями в печатной редакции, исключая десятой главы, попрежнему озаглавленной «Внутреннее устройство, свойственное человечеству». Поправки, сделанные рукой Толстого, приближают текст рукописи к печатной редакции. Многочисленные поправки, сделанные рукой М. С. Сухотина синим карандашом (за исключением одной – черным карандашом), представляют собой стилистическую переработку отдельных мест статьи. Так, например, в первой части слово «ошибками» исправлено на «промахами»; слова «много лучше христианских народов» на «много лучше, чем это было сделано народами христианскими»; слова «выросших из подчинения» на «переросших свое подчинение» и т. д. Очевидно, Толстой предоставил Сухотину самостоятельно стилистически исправить

свою статью. Огромное большинство этих исправлений было принято Толстым; часть же была им отвергнута: написанное Сухотиным частью зачеркнуто, а зачеркнутое им частью восстановлено Толстым. В одиннадцатой главе после слов «не судьи и не свидетели, а сторона», стр. 265, строка 25, зачеркнуто продолжение абзаца, которое печатаем в вариантах под № 24.

21. Рукопись на 79 нумерованных (1–79) листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого (в нескольких местах рукой А. Л. Толстой исправлены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). На обложке рукописи на машинке написано «Конец века», а вверху рукой Ю. И. Игумновой карандашом – «3-й экземпляр». Кроме того, тут же рукой Толстого написано «35 стр[аница]». Данная рукопись представляет собой копию предыдущей.

Поправки, сделанные Толстым, многочисленнее во второй части статьи, чем в первой. Они несомненно делались дважды (а может быть и трижды); во второй раз после того, как была переписана и исправлена копия с этой рукописи (см. ниже). Судим так потому, что поправки и вставка, сделанные в шестой главе на 35-м листе, и большая часть поправок и все вставки, сделанные в двенадцатой главе, в копию данной рукописи не введены, не введен и второй эпиграф из Евангелия от Иоанна. Пометка Толстого на обложке «35 стр[аница]», очевидно, обозначает, что нужно обратить внимание на поправку и вставку, сделанные на листе, занумерованном цифрой 35 и на примыкающем к нему 34-м оборотном.

22. Автограф добавления к девятой главе на полулисте почтовой бумаги, приложенном к письму к В. Г. Черткову, полученном им 19 декабря н. с. 1905 г. Начало; «Для того чтобы освободиться ото всѣх золь». Конец: не повиноваться власти». Рукой Ю. И. Игумновой сверху написано «Прибавление к «Концу века», конец IX главы». Рукой Толстого под текстом написано: «Вписать это надо посдѣ того мѣста, гдѣ въ раврядку написано: не повиноваться власти».

23. Рукопись на 76 нумерованных (1–76) страницах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого и рукой И. И. Горбунова (в нескольких местах, кроме того, посторонней рукой исправлены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). Сшитая тетрадь, листы которой исписаны с обеих сторон. На обложке написано на машинке заглавие «Конец века» и вверху страницы карандашом рукой Ю. И. Игумновой – «4-й экземпляр». Конец девятой главы на нижней части 53 страницы, переделанной в 53а, и верхней части 54-й зачеркнут и перед зачеркнутым текстом посторонней рукой написано: «Смотри приложенное 53 – б, в, г». Тут же приложены три четвертушки, написанные на машинке, исправленные рукой Толстого и обозначенные цифрами 53б, 53в, 53г. Текст этих четвертушек представляет собой копию, снятую с исправленной Толстым машинописной копии (на двух четвертушках) зачеркнутых частей 53-й и 54-й страницы и вставки-автографа (на согнутом пополам полулисте писчей бумаги, исписанном с одной стороны), отнесенной к словам 54-й страницы: «Люди должны понять, что». К концу 53г страницы приклеен согнутый пополам полулист писчей бумаги, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано дополнение к главе, начинающееся словами «Для того чтобы

освободиться от всѣхъ золь». Вслед затем ее же рукой сделана приписка «В самый конец IX главы». Это дополнение – копия автографа, описанного под № 22. Данная рукопись представляет собой исправленную копию рукописи, описанной под № 21, сделанную, как сказано выше, ранее того, как в шестой и двенадцатой главах рукописи № 21 сделаны были вторичные исправления. Отдельные места, в которых оказалось особенно много исправлений, перепечатаны вновь, и перепечатанное наклеено поверх исправленного. Будучи вновь переписан, текст этой рукописи лег в основу первого печатного издания статьи. Судя по тому, что в этой рукописи сделаны поправки рукой И. И. Горбунова, она была ему переслана для напечатания в издательстве «Посредник». Исправления, сделанные рукой И. И. Горбунова, исключительно стилистические. Так, в первой главе, стр. 233, строки 19–20, перед словами «Государство, держащееся на насилии» добавлено: «Такое учреждение, как»; в третьей главе, стр. 240, строка 26, слово «приобретении» исправлено на «присвоении»; в пятой главе, стр. 258, строка 14, перед словами «учение показывало» добавлено «христианское» и т. д. Таких исправлений довольно большое количество (подробнее см. в печатных вариантах «Конца века»). Кроме того, И. И. Горбуновым было увеличено количество абзацев.

24. Рукопись на 13 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, частью урезанных. Здесь рукой Ю. И. Игумновой и отчасти на пишущей машинке переписаны все поправки и исправления, сделанные Толстым в предшествующей рукописи, о приурочении их к страницам и строкам этой рукописи. На листе 8 текст частично написан рукой Толстого. Рукопись эта была послана в Англию Черткову, и по ней исправлен экземпляр статья, отпечатанный на машинке одновременно о экземпляром, описанным под ДО 23, и ранее посланный Черткову. По тексту этого экземпляра (хранится в ГТМ) печатался текст в издании «Свободного слова».

25. Корректурa в гранках «Конца века», набранная по тексту рукописи, описанному под № 23 и исправленная рукой Толстого и С. Д. Николаева. 26 нумерованных гранок. 24, 25 и 26 гранки перенумерованы из 25, 26, 27; гранка же, первоначально занумерованная цифрой 24, отсутствует (она сознательно выброшена из текста). Вместо нее вложена вставка, переписанная с обеих сторон на двух полулистах писчей бумаги, на пишущей машинке и исправленная рукой И. И. Горбунова. Вставка эта представляет собой начало главы «Свободы и свобода», помеченной цифрой XII (Начало: «То, что люди нашего времени толкуют о сюбодѣ». Конец: «сумма несвободы, насилия та же, какъ и въ большихъ государствахъ»). Идущая вслед за тем 24 гранка озаглавлена рукой Толстого «Заключеніе». Сверху этого слова его же рукой опять поставлена цифра XII. Судя по этому, а также по тому, что во вставке текст частично буквально совпадает с текстом «Заключения» в гранках, вставка была отослана Горбунову после того, как ему была отправлена корректурa статьи. Верхняя часть текста на последней, 26 гранке загнута назад и вместо нее и нижней части текста булавкой прикреплена небольшая вставка, написанная рукой С. Д. Николаева и исправленная рукой Толстого. На первой гранке штампель типографии: «Типография торг. дом. А. П. Печковской, П. А. Буланже и К°. Москва. 2 дек. 1905». Исправления рукой Толстого многочисленны. В большинстве случаев они редко вносят в текст смысловые изменения.

Наиболее значительные смысловые поправки следующие. Во второй главе после слов «для кого богатство есть благословение божие», стр. 235, строка 38, зачеркнуто: «Отъ этого и вызывающій во всемъ мірѣ такую зависть успѣхъ въ денежныхъ дѣлахъ евреевъ». «В третьей главе после слов «про изводящие теперь революцію в России, думают, что», стр. 240, строки 3–4, зачеркнуто: «продѣлавъ все то, что происходило въ европейскихъ революціяхъ, съ торжественными похоронными шествіями, разрушеніемъ тюремъ, блестящими рѣчами «Allez dire à votre maître»

[16] и т. п., они». В шестой главе после слов «часто даже не русским самодержцам» стр. 248, строки 1–2, зачеркнуто «начиная отъ Іоанна IV до Николая II». В восьмой главе после слов «Аракчеевы, Меттернихи и Талейраны», стр. 254, строка 19, зачеркнуто: «и Николай». В той же главе после слов «сколько японская, только что окончившаяся война», стр. 256, строки 16–17, приписано: «Но если въ средніе вѣка, во времена рыцарства, малыя государства не могли жить мирно, то въ наше время ужъ нѣтъ ни тѣхъ причинъ борьбы, ни той воинственности». Рядом о этой приписке рукой Толстого обозначено: «ad libitum». [17] Такая же приписка сделана к трем последним абзацам девятой главы, перечеркнутым крест-на-крест. (Эти три абзаца напечатаны в дополнениях к первому изданию «Конца века» в издательстве «Свободное слово» и вошли во второе издание в качестве предпоследнего абзаца девятой главы (см. печатные варианты). В одиннадцатой главе после слов «стоящие египетских пирамид», стр. 266, строка 19, зачеркнут абзац, начинающийся словами «Защитники цивилизации говорят» и вошедший в оба издания «Свободного слова» (см. печатные варианты). Из двенадцатой главы («Заключения») исключено всё ее начало, заключавшееся в отброшенной гранке, первоначально занумерованной цифрой 24, кончая словами «увидят народы Европы и Америки», стр. 277, строки 15–16. В той же главе после слов «будет всё больше и больше усиливаться рабство рабочего народа», стр. 277, строка 18, загнута назад часть текста, начинающаяся словами «Ведь есть только одно основное» и кончающаяся словами «другому человеку или собранию людей» (см. печатные варианты).

26. Автограф второй редакции двенадцатой главы, позже озаглавленной «Свободы и свобода» – в так наз. «Синем альбоме», на листах 32 об. – 42. Листы исписаны с обеих сторон, за исключением оборотной стороны 42 листа и лицевой 43-го (чистые). Начало: «Цѣль совершающейся теперь въ Россіи». Конец: «и установление свободы людей». Извлекаем отсюда варианты, которые печатаем под № 25 и 26.

27. Рукопись на 11 нумерованных листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Начало: «Въ Россіи идетъ теперь революція». Конец: «какъ частной, такъ и общественной жизни». Исправленная и дополненная копия предыдущей рукописи. Верхняя часть десятого листа отрезана и перенесена в следующую рукопись. К седьмому листу приложена вставка, написанная рукой Толстого на лицевой стороне почтового полулиста. Нижняя часть седьмого листа

отрезана и вместе с двумя следующими листами перенесена в конец рукописи. Рукой Толстого перед текстом написано заглавие: «Въ чемъ сущность русской революціи?»

28 Рукопись на 10 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. Нижняя часть первого листа, верхняя третьего, а также листы седьмой и восьмой перенесены в следующую рукопись, нижняя часть четвертого листа – в рукопись, описанную под № 29. К пятому листу приложена вставка, написанная рукой Толстого на лицевой стороне почтового полулиста. Прежнее заглавие зачеркнуто и рукой Толстого написано новое: «Свободы и свобода». То же заглавие вместо прежнего написано им и на обложке рукописи. Начало: «Люди, борящіеся съ правительствомъ». Конец: «нужно повиноваться Богу». Вслед за этим собственноручная дата и подпись: «29 Ноября 1905. Левъ Толстой». Извлекаем из этой рукописи вариант, который печатаем под № 27.

29. Рукопись на 11 нумерованных листах въ 4° и 6 полосах бумаги, отрезанных от четвертушек, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. Начало: «Существуютъ различныя свободы». Конец: «такъ и общественной жизни». Часть материала, как сказано выше, перенесена сюда из рукописи № 27, одна полоса переложена в рукопись № 29. Туда же переложены листы двенадцатый и тринадцатый: лист же седьмой переложен в рукопись № 30. Четырнадцатый лист переписан и исправлен дважды. Текст первого листа продолжен рукой Толстого на приложенном к нему полулисте почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон. К одиннадцатому листу приложена вставка, написанная Толстым на клочке бумаги.

30. Рукопись на 10 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Заключена в обложку, на которой на машинке написано «Свободы и свобода». Начало: «Существуютъ равличныя свободы». Конец: «нужна заводская промышленность». Копия предыдущей рукописи. 3-й лист переписан и исправлен дважды. Листы 7–11 и 15–17 перенесены отсюда в рукопись № 30.

31. Рукопись на 17 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Начало: «То, что люди нашего времени». Конец: «перестать повиноваться людямъ и освободиться». К первому, девятому и семнадцатому листам приложены четыре вставки–автографы. На оборотной стороне листа последней вставки рукой Толстого написан следующий зачеркнутый текст телеграммы И. И. Горбунову: «Москва Трубецкой переулкъ, домъ Осипова. Горбунову. Оставьте заключеніе по стар.» Данная рукопись, за исключением листов, перенесенных в нее из предыдущей, – копия этой предыдущей рукописи. Над заглавием рукой Толстого поставлена цифра XII.

32. Рукопись на 29 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой М. Л. Оболенской, Е. В. Оболенской, Г. М. Беркенгейма и Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого в части, заключающей в себе текст двенадцатой главы – «Свободы и свобода». Эта часть нумерована (1–23), на некоторых листах рукой Толстого. Вслед за этим идет текст «Заключения», целиком переписанный рукой Г. М. Беркенгейма, без

поправок Толстого и без нумерации. Текст двенадцатой главы в этой рукописи восходит к недошедшему до нас оригиналу. Видимо, это была исправленная и значительно дополненная копия рукописи, описанной под № 30. Сюда включено бо́льшее количество выдержек из двенадцатой главы первой редакции, чем это имело место в предыдущих рукописях главы «Свободы и свобода». За исключением небольшого количества разночтений, текст двенадцатой главы совпадает полностью с текстом соответствующей главы второго издания статьи, выпущенного в издательстве «Свободное слово». Что касается текста «Заключения», то он является точной копией первых четырех листов заключительной двенадцатой главы, кончая словами «конец старого и начало нового вѣка», по рукописи, описанной под №21. Этот текст в качестве заключения был напечатан во втором издании статьи в издательстве «Свободное слово».

33. Рукопись на 2 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой, с пометками рукой М. Л. Оболенской. Начало: «(Конец VI главы) въ первый разъ сотень тысячъ». Конец: «Престижъ власти разрушенъ». Вверху первого листа переписчицей написано «К странице 35», т. е. к 35-й странице рукописи, описанной под № 23, которая была послана Горбунову и с которой набирался текст «Конца века» для издательства «Посредник». На этой странице конец шестой главы, и данная рукопись, включая в свой текст копию вставки, сделанной Толстым на обороте 34-го листа в рукописи, описанной под № 21 («Таковы сознательные... Престиж невозможности неповиновения власти разрушен и») является той самой вставкой к шестой главе, которая послана была И. И. Горбунову и о которой Толстой говорит в письме к нему от 9 декабря (рукопись поступила в ГТМ из архива И. И. Горбунова). Пометками М. Л. Оболенской вставка выделена из примыкающего к ней текста. Явных исправлений рукой Толстого в рукописи нет. Быть может, его рукой в последнем предложении вставки «Престиж невозможности неповиновения власти разрушен» зачеркнуты слова «невозможности неповиновения».

---

14 декабря н. с. Чертков, посылая Толстому первые листы «Конца века», сообщил ему, что, в виду затруднительности письменных сообщений с Россией [в связи с революционным движением 1905 г.], чтобы не задерживать выход в свет «Конца века», он без предварительного согласия Толстого, сделал несколько изменений в статье. Далее перечисляются эти изменения с мотивировкой их. «Сделал еще некоторые изменения чисто грамматические или для ясности слога, не трогая мысли, о которой не стоит писать», добавляет Чертков (АТБ). Тут же сообщается, что «Конец века» появляется одновременно на всех языках в Европе и Америке 26 декабря 1905 г.

Основные изменения, сделанные Чертковым в статье, таковы. Вместо «в легкой, почти без борьбы одержанной японцами победе над Россией» – «в легко одержанной японцами победе над Россией», стр. 234, строки 21–22; вместо «Но это несправедливо» – «Но главное не в этом» стр. 234, строка 30; вместо «Причина успехов японцев не в дурном управлении Россией и не в дурном устройстве русских войск, а в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле» –

«Причина успехов японцев не столько в дурном управлении Россией или в дурном управлении русских войск, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле», стр. 234, строки 32–33; вместо «нигде народ не был так мало забит рабством» – «нигде сознание народа не было так мало забито рабством», стр. 239, строки 6–7; вместо «делают стачки» – «делают принудительные стачки», стр. 258, строка 16; вместо «суетливая, глупая и недобрая деятельность» – «суетливая, неразумная и недобрая деятельность», стр. 260, строки 23–24.

20 декабря н. с. Чертков сообщил Толстому, что не успел включить в текст «Конца века» два присланных им добавления, так как статья уже отпечатана, но что добавления эти будут напечатаны на отдельном листе, который будет присоединен к статье при ее брошюровке (АТБ).

Таким образом первое издание «Конца века» в издании «Свободного слова» вышло в конце декабря н. с. 1905 г. На отдельном листе, приложенном к концу книги, были напечатаны две дополнительные вставки, относящиеся к восьмой и девятой главам. Поправки, сделанные Толстым в шестой главе и посланные Черткову вместе с письмом от 4 ноября, получены были, видимо, тогда, когда текст этой главы был уже отпечатан, и потому в первое издание статьи они не попали (см. печатные варианты «Конца века»). Вскоре же, также, видимо, в последних числах декабря того же года, появилось второе издание «Конца века», в котором шестая глава была напечатана с теми поправками, которые сообщены были Черткову Толстым в письме от 4 ноября, и с дополнением, пересланным Горбуновым; в восьмую и девятую главу были введены вставки, напечатанные при первом издании на отдельном листе, и двенадцатая глава – «Заключение» – была заменена новой двенадцатой главой – «Свободы и свобода» о последующем «Заключении». И то и другое, так же как и вставка к шестой главе, были пересланы Черткову Горбуновым.

В оба издания внесено было небольшое количество грамматических и мелких стилистических поправок. В двенадцатую главу второго издания вошли три фразы, заканчивающие предложения и перенесенные сюда из двенадцатой главы первой редакции.

Второе издание «Свободного слова» было перепечатано в 1906 г. в России петербургским издательством «Обновление». Оно перепечатано и в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого, М. 1911. (Издание «Обновления» и девятнадцатая часть конфискованы.)

Что же касается готовившегося издания «Посредника», то оно не осуществилось, из-за опасения Горбунова, как бы не была закрыта типография «Посредника».

[18] Помимо первых одиннадцати глав, были набраны глава XII и Заключение по тексту рукописи, описанной под № 32. Корректурa этой части статьи на 6 гранках, исправленных рукой, видимо, типографского

корректора, хранится в ГТМ. На ней штамп типографии Печковской и Буланже с датой 9 января 1906 г. Однако дальше корректур в гранках дело, очевидно, не пошло, и статья не была даже сверстана.

В настоящем издании текст первых одиннадцати глав печатается по исправленной Толстым корректуре «Посредника», описанной под № 25. Так как в некоторых случаях набор был сделан неисправно и в нем сравнительно о рукописью № 23 были допущены ошибки и пропуски, незамеченные Толстым при правке корректуры, то в основу издания текста, помимо корректуры, кладется и рукопись, описанная под № 23. Главу XII «Свободы и свобода» печатаем по последней ее редакции, представленной рукописью, описанной под № 32. «Заключение» печатаем также по последней исправленной Толстым редакции, сохранившейся в рукописи, описанной под № 21. Объем «Заключения» определяется его точной копией, вошедшей в состав рукописи, описанной под 31 (о копии этой однако нельзя сказать с уверенностью, что ее просматривал Толстой), и текстом сохранившейся корректуры.

Поправки, предложенные Чертковым, вводим в текст, так как они приняты Толстым. В письме к Черткову от 3 января 1906 г. он писал: «Со всеми вашими поправками согласен; замечу только, что стачки всегда принудительны; но прибавка этого слованичего не изменяет» (АЧ).

Примечания.

Стр. 242, строки 3–9. Евангелие от Матфея, V, 38–62.

Стр. 245, строка 39. Дагомейский народ живет в нынешней французской колонии Дагомея, находящейся в западной Африке. Принадлежит к семье негритянских народов. До самого конца XIX столетия Дагомея представляла собой государство с неограниченной монархической властью. В 1887 г. она вошла в сферу влияния Франции, а в 1900 г. была обращена во французскую колонию, подчиненную власти губернатора. Дагомейцы, несмотря на то что они достигли известного уровня цивилизации, широко практиковали торговлю рабами и человеческие жертвоприношения.

Стр. 249, строки 2–11. Сведения об отказах от военной службы в России и за границей систематически печатались в журналах «Свободная мысль» (выходил в Швейцарии под редакцией П. И. Бирюкова с 1899 по 1901 г.) и «Свободное слово» (выходил в Англии под редакцией В. Г. Черткова с 1901 по 1905 г.).

Стр. 249, строки 34–36. Речь идет о восстаниях матросов на броненосце «Потемкин» в Одессе 14 июня 1905 г. и на крейсере «Очаков» и том же «Потемкине» в Севастополе 14–15 ноября того же года, под командой лейтенанта Шмидта, о военных бунтах в Кронштадте 24–26 октября 1905 г. и в Киеве 18 ноября 1905 г.

Стр. 250, строка 29. См. примечание к статье «Единое на потребу», стр. 655.

Стр. 255, строки 24–30. Ницца окончательно перешла во владение

Франции в 1860 г. Эльзас после франко–прусской войны был уступлен Францией Германии в 1871 г. Приморская область уступлена Китаю России в 1858 г. Южная часть Сахалина была уступлена Японии по Портсмутскому миру в 1905 г.

Стр. 261, строка 32 – стр. 262, строка 7. В результате сильного обнищания, которое принесла крестьянству реформа 19 февраля 1861 г., а также в результате периодических неурожаев и административных преследований отдельные группы крестьян, несмотря на административный запрет, переселялись на восток, где и образовывали самоуправляющиеся земельные общины, о которых здесь говорит Толстой. Известную роль в организации таких общин сыграла и секта бегунов, или странников. Часть переселенцы направлялись за пределы России. Таковы упоминаемые здесь Толстым некрасовцы – донские казаки–старообрядцы, после восстания сообщника Мазепы Кондрата Булавина переселившиеся в 1708 году под предводительством атамана Игната Некраса сначала на Кубань, а затем в Турцию, преимущественно в Добруджу. С. А. Толстая в своем дневнике (запись 3 марта 1877 г.), сообщает, что, живя летом 1876 г. в Самарской губ), она с Толстым ездила за 20 верст к казакам и по дороге встретила с воронежскими крестьянами, переселявшимися на Амур. Позднее, по ее словам, Толстому рассказывали о том, как сто или более тамбовских крестьян перешли китайскую границу и осели на брошенной китайцами–манчжурами земле, завоевав ее не кровопролитием, а земледельческой силой русского мужика. (Дневники С. А. Толстой 1860–1891. М. 1926, стр. 37–38.) В 1884–1886 гг. в Манчжурии, по реке Желтуге, существовало нечто в роде самостоятельного государства вольных промышленников, искателей золота, преимущественно русских переселенцев. Об этом см. статью А. Лебедева «Желтугинская республика в Китае». – «Русское богатство», 1896, № 9, стр. 143–171.

Стр. 264, строки 15–16. Здесь Толстой имеет в виду письмо Вольтера к Руссо, написанное им в связи с трактатом последнего «О причинах неравенства». Вольтер писал: «Читая ваше произведение, так и разбирает меня охота поползть на четвереньках». См. J. J. Rousseau. *Oeuvres complètes*, Hachette, Paris, 1905, т. X, стр. 100.

Стр. 482, строки 16–22. В романе В. Гюго «Несчастные» («*Les misérables*») рассказывается о том, как епископ Мириель приютил у себя на ночь, предварительно накормив ужином, только что отбывшего девятнадцатилетнюю каторгу Жана Вальжана. Ночью Жан Вальжан украл у епископа корзину с серебром. Когда вора задержали жандармы и с корзиной серебра привели к епископу, последний сказал жандармам, что серебро было подарено им Жану Вальжану вместе с двумя серебряными подсвечниками, которые он забыл взять. Дав Вальжану в придачу к серебру и подсвечники, епископ дружелюбно отпустил его. Этот эпизод из романа Гюго под заглавием «Епископ Мириель» был изложен Толстым в его «Круге чтения», где напечатан в качестве недельного чтения под 24 ноября.

Случай с В. К. Сятевым, известным сектантом, другом Толстого (ок. 1820–1892), вероятно, был известен Толстому по чьему–нибудь сообщению. В воспоминаниях П. Гастева рассказано о том, что когда у Сятева вывозили из незапертой житницы хлеб, он последний мешок

наваливал сам. В тех же воспоминаниях приведен случай кражи цыганами у Сютаева сбури, очень сходный с только что пересказанным эпизодом из романа В. Гюго (см. П. Гастев, «Воспоминания о Василии Кирилловиче Сютаеве». – «Вегетарианское обозрение» 1912, № 2, стр. 70–71).

Стр. 484, строки 20–24. Здесь Толстой имеет в виду вторую мысль пятой статьи книги Паскаля «Мысли» («Pensées»). Паскаль пытается дать ответ на вопрос, почему люди постоянно ищут развлечений, суеты. Они делают это, по его словам, для того, чтобы отвлечься от мыслей о себе, о своих бедствиях, чтобы избавиться от состояния одиночества. «По той же причине, – говорит Паскаль, – мы ищем женского общества, идем на охоту, стремимся к высоким должностям; не потому, что в них действительно заключается счастье, и мы не воображаем себе, будто истинное благополучие в деньгах, которые можно выиграть в карты, или в зайце, которого гоним... Умничающие на эту тему и порицающие людей за то, что они по целым дням охотятся на зайца и не хотят попросту добыть его покупкою, плохо знают человеческую природу. Этот заяц не избавил бы нас от вида смерти и бедствий, но предохраняет от того охота» (Паскаль. «Мысли о религии». Перевод с французского С. Долгова. Издание 2-е, М. 1902, стр. 44).

Стр. 490, строки 8–17. Цитата из статьи Герцена «С того берега». Сочинения А. И. Герцена, V, Genève – Halle – Lyon, 1878, стр. 62. В экземпляре этого издания, бывшем в яснополянской библиотеке Толстого и хранящемся теперь в рукописном отделе ГТМ, эта цитата обведена карандашом рукой Толстого. Она введена и в «Круг чтения» под 9 июня.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

[трущобами]

2

Страницы и строки обозначаются по настоящему изданию.

3

Слева текст 2-го издания «Свободного слова», справа – настоящего издания. Страницы и строки обозначаются по настоящему изданию.

4

[«идите и скажите своему господину»,]

5

В подлиннике описка: носящимися неясными христианскими идеалами.

6

Это сравнение в дальнейших редакциях последовательно подвергалось в пределах рукописи № 4 таким переработкам:

1) То, что говорят и дѣлают революціонеры, либералы, правительственныя лица, похоже на то, что бы дѣлалъ человекъ, который при наступающей зимѣ объяснилъ бы испытываемый имъ холодъ лихорадочнымъ овнобомъ и готовился бы излѣчиться отъ холода хининомъ.

2) То, что говорятъ и дѣлаютъ правительственныя лица, либералы, революціонеры, подобно тому, что бы дѣлалъ человекъ, который при наступающей зимѣ думалъ бы избавиться отъ зимняго холода не теплымъ кровомъ и огнемъ, а тѣми легкими одеждами, которыми онъ защищается отъ свѣжаго воздуха лѣтомъ.

3) То, что говорятъ и дѣлаютъ правительственныя лица, либералы, революціонеры, подобно тому, что бы дѣлалъ человекъ, который при наступающемъ наводненіи направлялъ бы потокъ на свое колесо той мукомольной мельницы, которая со всѣми домами и плотинами будетъ снесена этимъ потокомъ.

4) Все то, что говорятъ и дѣлаютъ правительственныя лица, либералы, революціонеры, подобно тому что бы дѣлали люди, которые при приближающемся потокѣ, долженствующемъ снести всѣ ихъ постройки и приспособленія и измѣнить все лицо земли, приготовились бы принять воду этого потока на свои мельничные поставы.

7

В копии исправлено: не только равнодушія къ власти, но отдаленія отъ нея, презрѣнія къ ней.

8

В копии исправлено: при русскихъ самодержцахъ, начиная отъ Іоанна IV до Александра III. Впоследствии вместо Александра III написано: Николая II

9

В копии исправлено: насилій, совершавшихся Іоаннами, Петрами,

10

Зачеркнуто: подобны деревяннымъ посудамъ, бочкамъ, сдерживаемымъ обручами.

11

В скобках – слова Маковицкого.

12

Оба заглавия были подсказаны евангельским текстом. О Силоамской башне, обрушившейся в Иерусалиме и задавившей во семнадцать человек, говорится словами Христа в Евангелии от Луки, XIII, 4. О конце века и признаках этого конца идет речь в Евангелии от Матфея, XXIV.

13

Явная описка: «Силоамская купель» вместо «Силоамская башня». О Силоамской купели, умывшись в которой прозрел слепой, говорится в Евангелии от Иоанна. IX, 7, 11. В то время как в заглавии «Силоамская башня» заключался определенный символический смысл, связанный с содержанием статьи (катастрофа, влекущая за собой гибель людей), в заглавии «Силоамская купель» никакой связи с содержанием статьи не было бы и потому не было бы никакого смысла.

14

Ю. И. Игумнова, переписчица рукописей Толстого.

15

полную свободу;

16

[Идите и скажите своему господину]

17

[по желанию]

18

В письме к Черткову от 3 января 1906 г. Толстой писал; «Посредник набрал «Конец века», но едва ли решится выпустить» (АЧ).